
Volume 7/2011

Comparative Legilinguistics

International Journal for Legal
Communication

Institute of Linguistics
Faculty of Modern Languages and Literature
Adam Mickiewicz University
Poznań, Poland

**INSTITUTE OF LINGUISTICS
LABORATORY OF LEGILINGUISTICS**

www.lingualegis.amu.edu.pl

lingua.legis@gmail.com

KOMITET REDAKCYJNY/EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Aleksandra Matulewska

Sekretarze/Assistants: Swietlana Gaś, Karolina Gortych, Karolina Kaczmarek

External Members of the Editorial Board

Łucja Biel, PhD, University of Gdańsk, Poland

Christos Bintoudis, PhD, Greece/Poland

Susan Blackwell, PhD, University of Birmingham, UK

Sheng-Jie Chen, PhD, National Taiwan University of Science and Technology, Taiwan

Ewa Kościałkowska-Okońska, PhD, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

Professor Larisa Krjukova, Tomsk State University, Russia

Artur Kubacki, PhD, University of Silesia, Katowice, Poland

Professor Lavinia Nădrag, Ovidius University, Constanța, Romania

Professor Natalja Netšunajeva, Public Service Academy, Estonia

Kiriakos Papoulidis, PhD, Greece/Poland

Professor Fernando Prieto Ramos, ETI, Université de Genève, Switzerland

Professor Judith Rosenhouse, Swantech - Sound Waves Analysis and Technologies, Ltd. (before retirement: Technion I.I.T., Haifa, Israel)

Topical editors: Joanna Grzybek, Joanna Nowak

Linguistic editors: Jamila Oueslati for Arabic and French, Ya Nan Zhang for Chinese, Colin Phillips for English, Joahim Stephan for German, Agnieszka Domagała and Piotr Wierzchoń for Polish, Swietłana Gaś for Russian, Eva María Rufo Sánchez-Román for Spanish

Technical editor: Piotr Woźnica

Adres Redakcji/Editorial Office

Instytut Językoznawstwa

Pracownia Legilingwistyki

Al. Niepodległości 4, pok. 218B

61-874 Poznań, Poland

lingua.legis@gmail.com

Wydanie publikacji dofinansował Instytut Językoznawstwa

The issue has been published with financial grant from the Institute of Linguistics, Poland.

Copyright by Institute of Linguistics

Printed in Poland

ISSN 2080-5926

Nakład 100 Egz.

Redakcja i skład: Pracownia Legilingwistyki

Druk: Zakład Graficzny Uniwersytetu im. A. Mickiewicza

Table of Contents

ARTICLES

Preface	7
Legal Translation and Interpreting	
Konstantin LEVITAN (Russia) Лингводидактический аспект проблемы перевода юридической терминологии	9
Maria YUGOVA (Russia) Классификация ошибок при переводе юридических текстов с английского языка на русский	23
Natalia KUZNETSOVA (Russia) Юридическая консультация в интернет-форуме: трансформация юридического дискурса в языке повседневности	37
Iwona DRABIК (Poland) Neurolinguistic Indicators of Consecutive Interpreting	47

Spis treści

ARTYKUŁY

Wprowadzenie	7
Tłumaczenie prawnicze i sądowe	
Konstantin LEVITAN (Russia) The Linguodidactic Aspect of Legal Terminology Translation Problems Lingwistyczno-dydaktyczne aspekty problematyki przekładu terminologii prawniczej	9
Maria YUGOVA (Russia) Classification of Errors in the Translation of Legal Texts from English into Russian Typologia błędów w przekładzie tekstów prawniczych z języka angielskiego na rosyjski	23
Natalia KUZNETSOVA (Russia) Legal Consulting in Internet Forums: Transformation of Legal Discourse in Everyday Language Konsultacje prawnicze na forach internetowych: przekształcenie dyskursu prawniczego w język potoczny	37
Iwona DRABIK (Polska) Neurolingwistyczne parametry tłumaczenia konsekwentnego	47

Preface

This volume of *Comparative Legilinguistics* contains five articles. Three of them refer to Russian legilinguistics.

The first one written by Konstantin LEVITAN (*The Linguodidactic Aspect of Legal Terminology Translation Problems*) touches upon the culture-oriented approach in teaching legal translation. The aim of the method is to give students tools for future development of their translational skills and the creativity necessary for providing the equivalent translation of legal texts embedded in different sociocultural contexts.

The second paper by Maria YUGOVA (*Classification of Errors in the Translation of Legal Texts from English into Russian*) deals with various classifications of translation errors made in English-Russian translation. The main emphasis is put on psycholinguistic classifications, and in particular to the division of errors into expressive and impressive ones. The paper is supplemented with the results of reasearch carried out on a group of students studying legal translation from English into Russian.

Natalia KUZNETSOVA who is the author of the third article titled *Legal Consulting in Internet Forums: Transformation of Legal Discourse in Everyday Language* focuses on the results of reasearch based on the analysis of discourse used in several Internet legal forums. Major changes are visible in the transformations of legal terminology and forms of address from legal into everyday language.

One article in this volume of *Comparative Legilinguistics* by Iwona DRABIK (*Neurolinguistic Indicators of Consecutive Interpreting*) is devoted to consecutive interpreting and interpreters' linguistic competence and psycholinguistic predispositions. The author focuses on neurolingusitic aspects of the process of consecutive interpreting.

The last paper written by profesor Maria Teres LIZISOWA (*The Metaphor of SWOBODA in the Treaties of the European Union*) is devoted to the problem of understanding metaphors in legal texts.

The editors hope that this volume of our journal will be of interest to its readers.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Konstantin LEVITAN, Doctor of Pedagogics, professor
Urals State Law Academy
Russia, 620014, Ekaterinburg, Komsomolskaya, 21
e-mail: levi22992@yandex.ru

Краткое содержание: В статье излагается лингводидактическая концепция обучения юридическому переводу, основанная на использовании сопоставительного анализа национально-культурных концептосфер, контактирующих в учебном процессе. Анализируются особенности языка права и профессиональной коммуникации в сфере права, специфика юридического перевода, составные элементы профессиональной компетентности юриста-переводчика, трудности перевода юридических терминов, стратегические и методические вопросы обучения студентов переводу юридической терминологии, включая фразеологические единицы. Предлагаемая методика обучения юридическому переводу расширяет представления студентов о социально-культурном контексте использования иностранного юридического языка его носителями. Чтобы обеспечить эквивалентный перевод юридических текстов, студенты должны учитывать специфику национальных правовых систем, использовать необходимые переводческие трансформации и находить релевантные юридические термины. Главная цель перевода: сблизить две концептуальные картины мира. Предполагается, что такой подход поможет студентам овладеть новыми способами концептуализации юридической действительности и будет способствовать развитию переводческой компетентности, профессиональных умений, лингвокреативных способностей будущих переводчиков.

THE LINGUODIDACTIC ASPECT OF LEGAL TERMINOLOGY TRANSLATION PROBLEMS

Abstract: The paper presents a linguodidactic approach to teaching legal translation based on the comparative analysis of national and cultural concept spheres, contacting in the learning process. Peculiarities of legal language and professional communication in the sphere of law, specific features of legal translation, components of legal translation competence, difficulties connected with the translation of legal terms, and strategic and methodological issues of teaching law terminology translation including phraseological units are analyzed in detail. The author describes the methods and techniques which extend the students conceptions of sociocultural context, in which the target language is used by native speakers. To provide the equivalent translation of legal texts, the students must take into consideration the specific character of national law systems, use the right translation transformations, and find relevant legal terms. The main purpose of the translation is to bring together two conceptual pictures of the world. It is supposed that such an approach can help students to learn the new ways of world conceptualization and will stimulate the self-development of future translators, fostering their professional skills and creativity.

LINGWISTYCZNO-DYDAKTYCZNE ASPEKTY PROBLEMATYKI PRZEKŁADU TERMINOLOGII PRAWNICZEJ

Abstrakt: Praca przedstawia lingwistyczno-dydaktyczne podejście do nauczania przekładu prawniczego oparte na analizie porównawczej pojęć zakorzenionych kulturowo i typowych dla danego krajowego systemu prawa. Autor szczegółowo omawia cechy charakterystyczne języka prawa i komunikacji prawniczej, przekładu prawniczego, w tym trudności związanych z tłumaczeniem terminologii prawnej i prawniczej, kompetencji tłumacza prawniczego oraz metodologii nauczania przekładu prawniczego. W artykule zostały omówione metody i techniki stosowane do poszerzania kompetencji translatorskich studentów w celu nauczania ich metod konceptualizacji świata języka prawa i i stymulowania przyszłego rozwoju kompetencji zawodowych i kreatywności.

1. Введение

Модернизация российского юридического образования, как, впрочем, и всей системы высшего профессионального образования, характеризуется его фундаментализацией, интернационализацией и углубленной специализацией. В русле этих тенденций кафедра русского, иностранных языков и культуры речи Уральской государственной юридической академии разработала и в течение последних десяти лет успешно реализует программу подготовки юристов-переводчиков в сфере профессиональной коммуникации. Кроме того, студентам международно-правовой специализации преподается (после обязательного двухгодичного изучения иностранного языка) с третьего по пятый курс углубленный курс **юридического иностранного языка**, в рамках которого основное место занимает новая учебная дисциплина «Теория и практика юридического перевода». Эти нововведения обусловили необходимость разработки адекватной научно-методической концепции обучения юридическому переводу с учетом последних достижений методики преподавания иностранных языков, транслатологии, сопоставительной лингвистики и создания на этой основе современных учебно-методических пособий и терминологических словарей, что частично уже было предметом наших публикаций (Levitan 2007; Левитан 2008).

Цель настоящей статьи – изложить основные положения данной концепции, в частности, раскрыть особенности языка права и профессиональной коммуникации в сфере права, выделить специфику юридического перевода и трудности перевода юридических терминов, а также осветить методические вопросы обучения студентов переводу юридической терминологии, включая фразеологические единицы (ФЕ).

2. Особенности языка права и профессиональной коммуникации в сфере права

Профессиональная коммуникация осуществляется на основе определенного профессионального языка (например, подязыка права), закрепленного за той или иной сферой профессионального общения. Этот язык представляет собой совокупность терминологии и определенных стилистических приемов, характерных для

текстов данной профессиональной тематики. При этом следует иметь в виду, что в любом языке осуществляются акты интерпретации мира человеком. Различные языки отражают различное мировидение. Язык формирует для его народа-носителя определенную картину мира (в том числе в сфере права). Под **языковой картиной мира** понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности, т.е. языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка. Поэтому основой для реконструкции языковой картины мира должны быть как статические структуры (грамматика, лексика, фразеология), так и динамические конструкты – тексты в их узком и широком семиотическом понимании. Юридические тексты выполняют, как правило, познавательную и предписывающую функции.

Юридические тексты имеют большое общественное значение, так как они определяют права и обязанности физических и юридических лиц, полномочия властных структур, правила их поведения, а также санкции при нарушении данных правил. Язык права, на котором записываются и распространяются юридические тексты, является частью литературного языка; он основан на отборе соответствующих языковых средств и их организации и является вариантом официально-делового стиля. В соответствии с предложенной Т.В. Губаевой классификацией мы используем при обучении юридическому переводу аутентичные тексты на английском, немецком, французском и русском языках четырех видов:

- 1) нормативные (законодательные),
- 2) научно- и учебно-правовые,
- 3) судопроизводства,
- 4) юридических документов (Губаева 2004).

Своеобразие любого национального языка права определяется его органической связью с соответствующей правовой системой конкретного государства. В отличие, например, от математики, химии, экономики и других наук, предмет которых во многих странах является идентичным, специфика правоведения и языка права заключается в том, что юристы различных стран мира имеют дело с чрезвычайно отличающимися друг от друга сферами своей предметной деятельности. Большая часть права, которым занимается подавляющее большинство юристов, относится к соответствующему национальному праву. Исключение составляют международное право, международное частное и евро-пейское право. Несмотря на некоторое сходство правовых систем, прежде всего стран континентальной Европы, каждое государство имеет свой собственный правопорядок, свои специфические правовые нормы, свои традиционные формы и процедуры судопроизводства и собственный язык права с соответствующей понятийно-терминологической системой.

Изучение иностранного языка означает поэтому для юриста одновременное изучение другой правовой системы. Перевод юридических текстов с одного языка на другой предполагает не только переход от одного языка к другому, но и одновременно переход от одной правовой системы, представленной в сознании юриста-переводчика как концептуальная картина юридической действительности своей страны, к другому миру права. Русскоязычный термин *право*, например, по своему значению и объему далеко не всегда совпадает с немецкоязычным термином

Recht (ср. формулировку конституционного положения: *Bundesrecht bricht Landesrecht*), а также с англоязычными *right, law*.

Ключевой англоязычный юридический термин *law* соответствует русскоязычному понятию объективного права, означает *закон, судопроизводство*, тогда как субъективное право передается словом *right*. Например, *common law* – общее право, *comparative law* – сравнительное правоведение, *rule of law* – верховенство закона, *to stand to the law* – предстать перед законом, *right of privacy* – право на неприкосновенность частной жизни, *assignment of rights* – уступка прав. А вот немецкоязычный термин *Recht* может означать как индивидуальное право, так и *закон, правосудие*, например: *Recht auf Bildung* – право на образование, *Baurecht* – законодательство, регулирующее строительство.

Основные понятия английского общего права *equity, forms of action, consideration* не имеют соответствующих эквивалентов в языках права стран континентальной Европы и могут быть поняты только на основе изучения особенностей английской правовой системы, ее истории. Аналогично обстоят дела со способами доказывания в судебном процессе, значением судебного решения и закона, делением общего права на отрасли права и их названиями.

Язык права особенно чутко реагирует на изменения социально-политической жизни каждого общества, оперативно отражает их в своем лексическом составе, что обуславливает определенные трудности при переводе юридических текстов. Связи культуры и национального языка больше всего проявляются в его лексике. В каждом языке есть слова, не имеющие однословного перевода на другой язык. Эти слова обозначают обычно реалии жизни конкретного социума, отражая национальный компонент в культуре каждого народа.

Известный немецкий юрист Э. Рабель предупреждал о бесконечных сложностях, возникающих при сравнительном изучении различных правовых систем, в частности при овладении иностранным языком и подъязыком права, подготовке литературного аппарата, проникновении в дух иностранного права, что позволяет судить об отдельной правовой норме только во взаимосвязи с правовой системой в целом. Он отмечал, что образовательная ценность римского, английского, французского права соответствует довольно точно латинскому, английскому, французскому языкам. Но лишь сравнение с собственным правом является для юристов тем же, чем зарубежное страноведение является для дипломатов и коммерсантов. При этом он подчеркивал: никакой русской широты души и никакой французской элегантности, а лишь немецкая добросовестность! По его мнению, ничто не вредило сравнительному правоведению больше, чем известный дилетантизм (Rabel 1967).

3. Специфика юридического перевода

Юридический перевод как область практической речевой деятельности имеет своим объектом передачу содержания письменных и устных юридических текстов на исходном языке (ИЯ) средствами переводящего языка (ПЯ) с равноценным регулятивным воздействием. Как учебная дисциплина юридический перевод преследует цель развития у студентов переводческой компетентности на

основе изучения иностранных правовых систем, надгосударственного и глобального права, языковых особенностей юридических текстов на ИЯ и ПЯ, техники и специфики юридического перевода. Точный корректно выполненный перевод юридического текста особенно важен для всех участников межкультурной профессиональной коммуникации. Юрист-переводчик несет большую моральную и правовую ответственность за качество и правильность перевода в сфере политики, права, дипломатии, военного дела, экологического сотрудничества, коммерческой деятельности.

Когнитивная информация содержится в первую очередь в юридических терминах. Они обладают всеми характерными признаками терминов: однозначность (абсолютная или относительная), отсутствие эмоциональной окраски, системность, точность, краткость, независимость от контекста. Часть из них известна не только юристам, но и всякому носителю языка, так как область применения их выходит за рамки юридического текста.

Как и любая терминосистема, язык права включает термины, образованные на основе переосмысления лексических единиц (ЛЕ) нейтрального слоя лексики, а также ЛЕ, находящиеся на пересечении юридической терминосистемы с общественно-политической, исторической, экономической терминологией. В составе юридической терминологии можно выделить как общенаучные термины (control, ground, inference), так и ЛЕ, возникшие как собственно юридические термины.

Юридическая терминология – это система ЛЕ, отражающая связи между сложными, многоаспектными и специфическими понятиями, которыми оперирует юриспруденция. Юридическая терминология является, с одной стороны, зеркальным отражением системности права, с другой – она имеет свою системность как собственно языковое образование. При переводе желательно учитывать эту внутриязыковую системность. Перевод термина в отличие от перевода общеупотребительного слова основан на прочной, регламентированной связи наименования и явления. При переводе термина крайне важно учитывать, чтобы место термина в терминологическом ряду ИЯ соответствовало месту термина на ПЯ.

В терминоведении фиксируют обычно следующие **основные требования к термину**:

- 1) однозначность (относительная), выражающая точность, определенность значения: *a bargain and sale deed, Kaufvertrag* – договор купли-продажи; *cross-claim, Gegenklage* – встречный иск;
- 2) системность, указывающая на связь между понятиями и место среди них (юридические термины с компонентом *law* или *Recht* – *lawsuit, lawbook, lawmaking, lawyer, Rechtsakt, Rechtsfähigkeit, Rechtsgeschäft, Rechtsanwalt*);
- 3) стилистическая и экспрессивная нейтральность (*guilt, Schuld*) (Лейчик 2007).

Важное значение для процесса перевода имеет соотнесение терминов с концептами, выделение тематических групп, выражающих концепты, поскольку это способствует выбору наиболее адекватного средства передачи каждого входящего в группу термина. В актах межкультурной правовой коммуникации, даже располагая

знанием об особенностях языковой картины мира у членов другого правового сообщества, невозможно достигнуть взаимопонимания из-за существования разных концептуальных картин мира у участников коммуникации. Переводчик фактически сталкивается с необходимостью сблизить две концептуальные картины мира, принять на себя ответственность за передачу отсутствующих в другой культуре концептов.

Концепт – ментальная сущность, категория сознания, хранящая информацию о том или ином фрагменте действительности; ключевой элемент культуры (Степанов 2004). Концепт отражает существенные признаки объекта или явления, достаточные для его сущности, а также все те признаки, которые в данном языковом коллективе ассоциируются с данным объектом. Концепты выступают посредниками между ЛЕ и экстралингвистической действительностью. Поэтому одним из источников информации о содержании концептов в сознании носителей языка является семантика языковых единиц.

Все семы, входящие в толкование слова, отражают часть знаний о денотате. **Сема**, являясь минимальным компонентом значения, также представляет собой минимальный компонент той смысловой структуры, которая отражает объект или явление в сознании индивида, т.е. является концептуальным признаком. Большинство концептов состоят из трех слоев: основные признаки; дополнительные признаки; внутренняя форма. Признаки первой группы актуальны для всех носителей языка. Дополнительные признаки актуализируются в сознании лишь определенной группы носителей языка (например, профессиональной). Третья группа признаков выявляется посредством анализа специфических особенностей того или иного явления, его истории, степени значимости и т.п. Специфика юридической терминологии требует передать ту или иную мысль специальным термином, а не общепотребительным словом, выделяя при необходимости признаки соответствующего концепта и устанавливая их иерархию по степени значимости.

4. Трудности перевода юридических терминов

Трудности перевода юридической терминологии определяются комплексом причин. К основным из них можно отнести следующие: трудности, обусловленные языковой природой термина; трудности, связанные со специфическими характеристиками юридического термина; трудности, возникающие из-за расхождения объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами, существования специфичных для одной терминосистемы единиц и отсутствия переводческих соответствий в другой.

Переводчик должен не только хорошо знать юридическую терминологию двух языков (ИЯ и ПЯ), ориентироваться в специфике двух правовых систем, но и творчески подходить к выбору наиболее удачного для определенного контекста соответствия, к введению пояснительного переводческого комментария. И здесь переводчику не обойтись без современных толковых, терминологических и фразеологических словарей.

Часто термин в ИЯ может передаваться в ПЯ двумя и более терминами, и поэтому терминологический словарь должен решать задачу адекватной выдачи всех релевантных переводных эквивалентов терминологической единицы, снабжая их определенными пометами, позволяющими выявить область их применения, либо, если речь идет о синонимах, словарь должен объяснять их смысловое терминологическое (стилистическое, коннотативное) различие. К сожалению, сегодня большинство специальных словарей ограничивается лишь перечислением переводных эквивалентов многозначного термина, оставляя за переводчиком право выбора. К тому же в словарях иногда встречаются неточности, например:

National government – федеральное, а не национальное правительство;

Но: *national committee* – национальный комитет,

national convention – национальный съезд (партии в США),

cross-claim – встречный (а не перекрестный) иск,

class action – соединенный (а не групповой) иск (Гамзатов 2004).

Проблема однозначности/многозначности термина является предметом серьезной научной полемики в терминоведении. **Полисемия** (многозначность) термина – это обозначение термином ряда концептов в системе концептов в определенной специальной области знания или деятельности, при том что в значениях многозначного термина имеются одинаковые семы, например: *юриспруденция* (лат. *juris prudentia*) – 1) правоведение, совокупность наук о праве; 2) практическая деятельность юристов; 3) решение судебных органов; *юстиция* (лат. *Justitia* – справедливость) – 1) правосудие; 2) система судебных учреждений; 3) судебное ведомство.

Многие лингвисты считают, что полисемия термина не является показателем его неточности. Чем сильнее развита система многозначности в терминологии, тем точнее установлены связи между общенаучными понятиями и отраслевым концептуальным аппаратом, тем категоризированнее и структурированнее предстает объект изучения. Полисемия термина отражает поступательный ход развития науки и выражает в семантической структуре слов принципы категоризации мира с помощью языка. Напр., русскоязычный термин *санкция* (лат. *sanctio* – строжайшее постановление) имеет следующие значения:

- 1) утверждение высшей инстанцией какого-либо акта, придающее ему правовую силу;
- 2) часть правовой нормы, статьи закона, в которой указываются правовые последствия нарушения данного закона;
- 3) в международном праве – меры воздействия (экономические, финансовые, военные) против государств, нарушивших международные обязательства или нормы международного права;
- 4) меры принудительного воздействия, применяемые к предприятиям и организациям-нарушителям установленного порядка ведения хозяйственно-финансовой деятельности;
- 5) одобрение, разрешение.

Приведем примеры полисемии терминов английского языка. Англоязычный термин *ban* имеет такие значения:

- 1) запрет; 2)
- 2) анафема, отлучение от церкви; 3)
- 3) объявление; призыв (к оружию); 4)
- 4) приказ, эдикт; статут; 5)
- 5) штраф, взыскание; 6)
- 6) пользующаяся привилегией территория (Андрианов и др. 2009).

За многими относительно новыми русскоязычными терминами стоят понятия, ранее не существовавшие в отечественной науке, экономике и юриспруденции. Поэтому неутомимый поиск наиболее близкого эквивалента или аналога в родном языке, исчерпывающего объяснения, перевода путем толкования представляется на современном этапе проявлением профессиональной компетентности переводчика. Так, часто встречающийся в юридических англоязычных текстах термин *relief* помимо основного терминологического значения «средство правовой защиты», имеет также следующие значения: «освобождение от ответственности» (*relief clause*), «скидка» (*the buyer received monetary relief of \$500*), «помощь», «пособие», «удовлетворение требования».

При переводе современных терминов и терминологических словосочетаний переводчики нередко сталкиваются с вопросами, на которые не всегда можно дать однозначный ответ. Для поиска наиболее удачного эквивалента или аналога переводчику необходимы глубокие фоновые знания, а также высокий уровень владения родным и иностранным языком. Большую помощь при этом, несомненно, могут оказать постоянные консультации со специалистами в области сравнительного и международного права, а также постоянный обмен мнениями с коллегами. Так, англоязычное терминологическое словосочетание *execution of the contract* имеет два совершенно разных значения:

- 1) исполнение контракта;
- 2) составление (оформление) контракта. Выбор релевантного эквивалента зависит, естественно, от более широкого контекста, а в конечном счете от уровня профессиональной компетентности переводчика.

Англоязычный термин *securitization* обозначает относительно новое для российской действительности явление, которое определяется аналогичным термином «секьюритизация». Для адекватного понимания этого термина необходимо вспомнить значения слова *security* – 1) обеспечение, 2) гарантия, 3) безопасность, 4) *securities* – ценные бумаги. Исходя из последнего значения и анализа сущности этого явления, термин «секьюритизация» можно определить как «преобразование каких-либо активов компании в ликвидную форму путем выпуска облигаций и иных ценных бумаг».

Сопоставительный анализ британской и американской юридической терминологии выявляет существование национально-культурного компонента даже у терминов, являющихся средством вербализации универсальных правовых понятий. Например, в американской терминологии используется *larceny*, а не *theft*, как в британской, для выражения понятия «кража», *arrest warrant*, а не *bench*

warrant для выражения понятия «ордер на арест». Хотя указанные термины переводятся на русский язык одинаково, при переводе других терминов – реалий следует учитывать специфику права Великобритании и США.

Учет специфики законодательной и правовой системы той или иной зарубежной страны, а также российской юриспруденции, безусловно, предполагает наличие у переводчика фоновых знаний, умения ориентироваться в правовых системах, тонкостях исходного языка и языка перевода. Существование корпуса единых базовых юридических понятий не исключает расхождение объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами. Например, англоязычный термин *attorney* может иметь русскоязычные эквиваленты:

- 1) адвокат,
- 2) атторней,
- 3) прокурор.

District attorney (U.S.) – окружной прокурор, *Attorney General* – Генеральный прокурор (англ.), но Министр юстиции (амер.).

В Соединенном Королевстве сосуществуют три судебных системы: Англии и Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии, между которыми имеются довольно значимые отличия. Например, суд присяжных в Шотландии вместо двух типичных вариантов вердикта *guilty* – «виновен» и *not guilty* – «не виновен» имеет возможность принять третий вариант решения *not proven* – «не доказано». Такой вердикт в решающей степени может повлиять на исход судебного разбирательства и судьбу подсудимого. В связи с этим возник уникальный юридический термин *Scottish verdict (dubious decision)* – «шотландский вердикт», то есть решение, основанное на сомнениях членов суда присяжных.

Только учет специфики национального права и законодательства, а также нахождение эквивалентных юридических терминов в ИЯ и ПЯ может обеспечить адекватный перевод юридических текстов и способствовать тем самым гармонизации правовых смыслов различных политико-правовых систем мира.

Юридическая терминология отражает процесс исторического развития права. Большую роль в истории становления современной юриспруденции сыграло римское право. Соответственно в формировании терминологии и стилистики правового текста первостепенное значение имеет латынь, которая вплоть до 5 века н.э. была языком культуры и образования. Некоторые современные юридические термины обладают архаичной окраской, их использование в тексте создает колорит высокого стиля. Этот эмоциональный оттенок законодательного текста связан с его высоким статусом в обществе и призван побудить граждан к правопослушному поведению.

Студентам рекомендуется вести свой **словарь юридических латинизмов**. Например: *conditio sine qua non* – непременно условие; *ergo* – следовательно; *actus reus* – преступление; *mens rea* – вина; *de lege ferenda* – с точки зрения законодательства; *in dubio pro reo* – сомнения в пользу подсудимого; *dura lex, sed lex* – закон суров, но это закон; *sui generis* – своего рода; *pro and con* – за и против; *ex officio* – по должности; *status quo* – исходное положение; *via* – путем; *per se* – само по себе.

Специфические трудности возникают при устном переводе терминов римского права. Эта терминология произносится так, как она звучит на латинском языке, но существует и ее английское произношение, значительно отличающееся от латинского, иногда в двух или трех вариантах. Например:

Casus belli [ka:ses beli:] [keises bellai] – основание, формальный повод объявления войны и начала военных действий.

В современных терминосистемах (в т.ч. юридической) количество терминов-словосочетаний превышает количество терминов-слов. Напр., основная масса терминов, выражающих концепт *imprisonment* в юридической терминологии также представлена словосочетаниями, в которых в качестве главного слова выступает ЛЕ *imprisonment*. Этот термин является дериватом (производным) термина *to imprison*, который определяется как *to put or keep someone in prison, jail*. **Imprisonment** – *a penalty imposed by a court under which the individual is confined to an institution*. Термин *imprisonment*, таким образом, предполагает наложенное судом наказание лица посредством заключения в пенитенциарное учреждение. Основной признак концепта – *penalty*, дополнительные – *by court, individual, jail, prison*. Ряд значений терминов, соотносящихся с концептом *imprisonment*, отражают в своем семном составе условия содержания в заключении, его длительность, правомерность или неправомерность действия: *penitentiary imprisonment* – правомерное лишение свободы; *false (improper) imprisonment* – неправомерное лишение свободы; *imprisonment at hard labor* – лишение свободы с каторжными работами; *strict imprisonment* – строгое тюремное заключение; *imprisonment for life* – пожизненное тюремное заключение.

5. Обучение переводу фразеологизмов

Культурно-специфическая информация, составляющая пространство переводческого процесса, передается в том числе и посредством фразеологических единиц. Передача значения фразеологизмов относится к числу наиболее сложных переводческих проблем. Сложность передачи идиоматичности юридического дискурса при переводе обусловлена в первую очередь тем, что большинство ФЕ включает в себя культурно-специфические смыслы, которые не отражают жизненный опыт носителей языка перевода. Система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, аккумулирует мировидение носителей той или иной лингвокультуры.

Как отмечает А.М.Пыж, в коллективном сознании исследователей термины прочно ассоциируются с точностью номинации, заключающейся во взаимно-однозначном соответствии внутренней формы и значения языкового знака, а идиомы – с неточностью номинации, заключающейся в несоответствии внутренней формы и значения языкового знака. Но такая корреляция существует лишь «в идеале». Термины и идиомы выделяются по разным основаниям. Термины – это в первую очередь функциональный разряд, а идиомы – преимущественно структурный. Между терминологическим и идиоматическим фондами языка имеет место отношение пересечения (Пыж 2009).

Проблема передачи идиоматичности юридического дискурса при переводе представляется весьма актуальной в лингвометодическом аспекте, поскольку обучение передачи значения фразеологизмов, функционирующих в ситуациях межкультурной коммуникации, является важной задачей процесса профессиональной подготовки будущих переводчиков. Обучение переводу фразеологизмов, достаточно часто встречающихся в юридическом дискурсе, как устном, так и письменном, играет существенную роль в процессе формирования и развития способности переводчиков к трансляции культурно-специфических смыслов информации, составляющей пространство перевода.

Фразеологический слой юридического дискурса имеет две составляющие. Во-первых, это общеупотребительные единицы фразеологического фонда национального языка. Такие ФЕ могут встречаться как в юридических, так и в других текстах. К таким ФЕ можно отнести следующие: *to take into account* – принять во внимание, *checks and balances* – система сдержек и противовесов, *a black tie event* – официальная встреча, *UN peacekeeping forces* – миротворческие силы ООН, *time limits* – срок давности, *costs and expenses* – судебные издержки и расходы, *to dismiss the application* – отклонить жалобу.

Вторая составляющая – это собственно юридические идиомы, возникшие на основе образного переосмысления значения общеупотребительных языковых единиц. Их специфика состоит в том, что они представляют собой речевые штампы, клише и терминологические словосочетания, используемые почти исключительно в сфере права. К ним, например, относятся: *twelve honest men* – присяжные заседатели; *the bar and the bench* – адвокаты и судьи; *rogues' gallery* – полицейский архив фотоснимков преступников; *to make default* – 1) не исполнять обязанности; 2) не являться в суд; *to meet claim* – оспаривать иск; *in accordance with the law and penal procedure* – в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом; *Contracting Parties* – договаривающиеся стороны; *respondent State* – государство ответчик; *opinion on the merits of the case* – заключение по существу дела; *to exhaust domestic remedies* – исчерпать внутренние средства защиты; *pecuniary or non-pecuniary damages* – материальный и нематериальный ущерб; *at the date of adoption of the present judgment* – на момент принятия данного решения; *arguments of those appearing before the Court* – аргументы выступавших в суде; *to exercise all the powers* – осуществлять все полномочия; *handgun lobby (USA)* – «стрелковое лобби» (отстаивает право беспрепятственной продажи стрелкового оружия населению США).

Студентам следует объяснить, что с позиций когнитивистики образование ФЕ можно рассматривать как возникновение новых концептов на основе переработки предыдущего опыта и образного переосмысления уже существующих в данной национальной лингвокультуре концептов. Концепты могут быть выражены словом, свободным словосочетанием, фразеологизмом, грамматической категорией. Наиболее частотным способом выражения значения концептов являются единицы лексического и фразеологического уровней. Среди ФЕ исследователи различают фразеологические сочетания, фразеологические единства, фразеологические сращения, устойчивые сравнения, пословицы, цитаты.

В качестве модели для образования концептов, вербализованных фразеологизмами, в англоязычном юридическом дискурсе достаточно широко используется цветовая символика. Например: *black market* – черный рынок; *black*

economy – теневая экономика; *white collar crimes* – «беловоротничковая» преступность; *green audit* – проверка предприятия с целью выяснить, как его деятельность сказывается на окружающей среде; *green consumers* – покупатели, которые принимают во внимание необходимость охраны окружающей среды при покупке товаров; *blue chip company* – компания «голубых фишек», то есть крупное акционерное общество с большим количеством активов (акции названы по цвету самой дорогой фишки в покере); *golden share* – золотая акция (количество акций, которым может владеть единоличный инвестор, когда по договору государство имеет право вмешиваться в дела приватизированной компании и ограничивать количество акций); *golden parachute* – золотой парашют (форма контракта, по которому менеджеры высшего звена получают крупную сумму в случае окончания срока контракта или перехода компании к другим владельцам).

Опыт обучения свидетельствует о том, что наибольшую трудность у студентов вызывает перевод фразеологизмов, образованных посредством метафорического или метонимического переосмысления. Степень мотивированности значения в таких фразеологизмах может варьироваться от достаточно высокой до полного ее отсутствия, например: *blue chip* – «голубая фишка», *play hardball* – проводить сделки в жесткой манере, *composite picture* – фоторобот, *front man* – подставное лицо, *finisher of the law* – палач, *cat burglar* – вор-форточник, *clublaw* – кулачное право.

Существует несколько способов передачи значения ФЕ средствами другого языка. ФЕ могут переводиться как эквивалент, аналог, калька, описательный оборот, переводческий комментарий, калька плюс описательный оборот. Эквивалентный перевод имеет место в том случае, если в ИЯ и ПЯ в основе ФЕ лежит один и тот же образ. Обычно такой перевод возможен в случае с так называемым «интернациональными» фразеологизмами. Однако и здесь могут возникнуть трудности из-за незнания переводчиком значения этих ФЕ.

Так, при контрольном переводе текста с английского языка на русский часть студентов не смогла найти эквивалентное соответствие для заголовка текста «*Seeing the wood for the trees*», хотя уже в первом предложении раскрывалось (описывалось) его значение: «*It is arguable that the key skill for the effective litigator is an ability to see the wood for the trees – that is the ability to identify what is most important in a case*». Успешные студенты указали при анализе перевода на существование интернационального фразеологизма «за деревьями не видеть леса», «den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen» (нем.), исходя из значения которого для заголовка данного текста они нашли русскоязычный эквивалент «Видеть лес за деревьями», «Видеть главное в каждом судебном деле».

Более известным для студентов оказался ФЕ – библеизм «*to throw pearls before swine*» – метать бисер перед свиньями (напрасно говорить или доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет понять это); «*Perlen vor die Säue werfen*» (нем.); «*donnez des perles aux porcs*» (фр.).

Как отмечалось выше, причиной сложности передачи содержания ФЕ в процессе перевода является то, что фразеологический фонд любого языка отражает конкретно-исторические реалии жизни нации, национально-культурную специфику менталитета народа-носителя той лингвокультуры, в которой формировался тот или иной фразеологизм. Этот фактор следует обязательно

учитывать в процессе обучения переводу ФЕ, функционирующих в юридическом дискурсе в качестве речевых клише, штампов, терминов.

Например, аналогами русскоязычной поговорки «На нет и суда нет» являются соответственно англоязычная *Where nothing is to be had the king must lose his right* и немецкоязычная *Wo nichts ist, da hat selbst der Kaiser sein Recht verloren*. Другие примеры национально-культурной специфики ФЕ: *to be caught red handed* – быть пойманным на месте преступления; *gnomes of Zurich* – «цюрихские гномы» (швейцарские банкиры) – в основе данной ФЕ лежит фольклорный образ карлика, который живет под землей и охраняет подземные кладовые, полные золота и драгоценностей.

Непосредственный интерес студентов вызывают анализ и обсуждение специфических ФЕ в австрийском варианте немецкого языка, среди которых встречается немало жаргонизмов. Например: *ohne Obligo sein = frei von jeder Verpflichtung sein* – быть свободным от каких-либо юридических обязательств; *böhmisch einkaufen, den böhmischen Zirkel machen=stehlen* – воровать; *polizeiliche Einvernahme =Vernehmung* – допрос; *der grüne Heinrich= die grüne Minna (Gemüsewagen)* – полицейский автомобиль (обычно зеленого цвета) для перевозки арестованных; *linke Kassive=falscher Paß* – фальшивый паспорт; ср. рус. «ксива» – (незаконный) документ (жарг.); *Besuch mich in Krakau, dann bist du bald in Polen!* – иди куда подальше! (выражение категорического отказа, базирующегося на географических реалиях); *die Mauer machen=bei einer Untat durch Wachestehen Hilfe leisten* – стоять на стреме во время преступления; *Strade kehren=Strassenraub begehen* – совершить уличный разбой; *stellig machen=ausfindig machen* – разыскивать, устанавливать; *Vurschrift ist Vurschrift!=Vorschrift über alles!* – приказ есть приказ! (венский вариант).

6. Заключение

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Лингводидактическая концепция, основанная на использовании в процессе обучения юридическому переводу сопоставительного анализа национально-культурных концептосфер, контактирующих в учебном процессе, помогает студентам овладеть разными системами концептуализации юридической действительности, что способствует развитию переводческой компетентности, эвристических и лингвокреативных способностей будущих переводчиков.

Библиография

- Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. 2009. *Англо-русский юридический словарь*. М.: АБВУУ Press. 55.
- Гамзатов М.Г. 2004. *Техника и специфика юридического перевода*. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет. 30-44.
- Губаева Т.В. 2004. *Язык и право*. М.: Норма.
- Levitan К.М. 2007. *Zum Erwerb kommunikativer Fachkompetenz von Jurastudenten*. In: Prof.-Dr. Bernd Oppermann, Prof.-Dr. Joachim Heilmann (Hrsg.). *Reform der russischen Juristenausbildung*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft. 157-164.
- Левитан, Константин. 2008. *Обучение языку профессиональной коммуникации студентов юридических вузов и факультетов*. *Rossica Olomucensia*, XLVI-II. Olomouc. 229-232.
- Лейчик В.М. 2007. *Терминоведение: предмет, методы, структура*. М.: ЛКИ.
- Пыж А.М. 2009. *Идиоматика в сфере английской юридической терминологии*. Фразеология и терминология: грани пересечения (Т.Н.Федуленкова и др.). Архангельск: Поморский государственный университет. 86-95.
- Степанов Ю.С. 2004. *Константы: Словарь русской культуры*. М.: Академический проект. 42-43.
- Rabel, Ernst. 1967. *Arbeiten zur Rechtsvergleichung und zur Rechtsvereinheitlichung*. In: J.C.D. Mohr, Paul Siebeck (Hrsg.). *Gesammelte Aufsätze*. Band III. Tübingen.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОШИБОК ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Maria YUGOVA, candidate of pedagogical sciences
Ural State Law Academy
Russia, 620014, Ekaterinburg, Komsomolskaya str., 21
malta@olympus.ru

Краткое содержание: В статье представлены различные классификации ошибок, проявляющихся при переводе текстов с иностранного языка на родной язык. Особое внимание уделяется психолингвистическим классификациям, основанным на выявлении механизмов речемыслительной деятельности по восприятию и порождению текстов на иностранном языке. В статье делается акцент на психолингвистическую классификацию ошибок, созданную на базе эрратологии, и дается ее подробная характеристика. В данной классификации переводческие ошибки делятся на ошибки экспрессивного типа (ошибки порождения) и ошибки импрессивного типа (ошибки восприятия). Практическая часть исследования включает в себя примеры и анализ ошибок восприятия и порождения, которые наиболее характерны для учебных переводов юридических текстов с английского языка на русский.

CLASSIFICATION OF ERRORS IN TRANSLATION OF LEGAL TEXTS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Abstract: The paper presents different classifications of translation errors made in translating texts from English into Russian. Special attention is given to psycholinguistic classifications based on exploring the mechanisms of speech mental processes engaged in the process of perceiving and generating texts in a foreign language. The paper emphasizes the psycholinguistic classification based on erratology, and gives its detailed description. In the given classification the translation errors are divided into errors of the expressive type and errors of the impressive type. The empiric part of the research includes the examples and analysis of errors that are very specific to the students' translations of legal texts from English into Russian.

TYPOLOGIA BŁĘDÓW W PRZEKŁADZIE TEKSTÓW PRAWNICZYCH Z JĘZYKA ANGIELSKIEGO NA ROSYJSKI

Abstrakt: Artykuł przedstawia różne typologie błędów tłumaczeniowych popełnianych w przekładzie z języka angielskiego na język rosyjski. Autorka koncentruje się na typologiach psycholingwistycznych. W szczególności nacisk zostaje położony na typologię błędów opartą na lapsologii, w której wprowadza się podział na błędy ekspresji i impresji. Część empiryczna pracy zawiera analizę oraz przykłady błędów popełnionych przez studentów uczestniczących w kursie przekładu prawniczego angielsko-rosyjskiego.

Введение.

Данная работа является результатом исследования, проведенного на кафедре русского, иностранных языков и культуры речи Уральской государственной юридической академии в рамках кафедральной научной темы «Обучение юридическому переводу». Основной целью является формирование и развитие переводческой компетентности студентов. «От уровня сформированности переводческой компетентности, которая представляет собой совокупность необходимых переводчику компетенций, т.е. знаний, действий-умений и операций-навыков, в решающей мере зависит степень эквивалентности текста ИЯ тексту ПЯ», т.е. качество перевода. (Левитан 2010:18-19) В настоящее время все больше исследователей обращаются к проблеме повышения качества обучения иностранному языку и переводу, связывая ее решение с анализом и классификацией ошибок учащихся. Ошибки содержат в себе ценную информацию, которая позволяет преподавателю оценивать эффективность процессов преподавания и учения. Один из основателей теории анализа ошибок С. П. Кордер (1967) считает, что совершение ошибок можно рассматривать как средство, которое используется учениками для того, чтобы учиться и определяет будущие приоритетные направления в их учебной деятельности.

Анализ ошибок позволяет понять, как и что студенты изучают для того, чтобы знать иностранный язык, а также даёт возможность переориентировать учебный материал и методику обучения на потребности студентов для более эффективного овладения языком.

Классификации ошибок при переводе текстов с иностранного языка на родной язык.

Существуют различные классификации ошибок, проявляющихся при переводе текстов с иностранного языка на родной язык. Приведем только некоторые из них.

Классификация В.Н. Комиссарова основана на теории переводческих соответствий и выделяет четыре основные группы ошибок, которые влияют на качество перевода.

(1) Ошибки, представляющие собой грубое искажение содержания оригинала. Такие ошибки приводят к тому, что перевод указывает на совсем другую ситуацию и фактически дезинформирует рецептора. Они обычно возникают вследствие неправильного понимания переводчиком содержания данного отрезка оригинала: неправильное восприятие текста оригинала, незнание каких-то грамматических или лексических явлений ИЯ, отсутствие фоновых знаний, необходимых для правильного понимания единиц оригинала, и т.д.

(2) Ошибки, приводящие к неточной передаче смысла оригинала, но не искажающие его полностью. В результате в переводе описывается та же ситуация, что и в оригинале, но ее отдельные детали указываются недостаточно точно. Как правило, подобные ошибки возникают вследствие неточного понимания значения

некоторых слов в оригинале или неправильной оценки переводчиком степени соответствия значений английского и русского терминов.

(3) Ошибки, не нарушающие общего смысла оригинала, но снижающие качество текста перевода вследствие отклонения от стилистических норм ПЯ, использования малоупотребительных в данном типе текстов лексических единиц, злоупотребления иноязычными заимствованиями или жаргонизмами и т.д. Подобные ошибки связаны с установлением эквивалентности на более высоких уровнях, чем уровень ситуации, и во многих случаях не влияют на общую оценку качества перевода. Они могут по-разному оцениваться отдельными проверяющими, вызывать среди них разногласия, иногда вообще не признаваться ошибками перевода.

(4) Нарушения обязательных норм языка перевода, не влияющие на эквивалентность перевода, но свидетельствующие о недостаточном владении переводчиком данным языком или его неумении преодолеть влияние языка оригинала. Ошибки этого рода дают основания судить об уровне общеязыковой культуры и грамотности переводчика. (Комиссаров 2001:295)

Р.К. Миньяр-Белоручев классифицирует ошибки с точки зрения потери или приобретения информации. В этой классификации коммуникативная ценность информации для перевода определяет степень важности информационных потерь со стороны языка перевода и исходного языка. Со стороны исходного языка – это переданная ключевая информация и со стороны языка перевода – это прибавочная информация. Также выделяется дополнительная информация, уточняющая информация, повторная информация и нулевая информация. Р. К. Миньяр-Белоручев различает ошибки первой степени, связанные с появлением квантов прибавочной ключевой информации; ошибки второй степени — это ошибки, связанные с потерей ключевой информации; ошибки третьей степени, связанные с потерей или появлением квантов дополнительной или уточняющей информации; ошибки четвертой степени, связанные с появлением несоответствий в виде квантов переданной или прибавочной повторной информации или нулевой информации. Квант информации – это та часть информации, которая содержится в речевом отрезке, вычленном как несоответствие. (Миньяр-Белоручев 1996)

Психолингвистические классификации ошибок.

Психолингвистические классификации основаны на выявлении механизмов речемыслительной деятельности, задействованных в моделировании процессов идентификации слов при их восприятии и порождении на иностранном языке.

С. Кордер разграничил два типа ошибок: mistakes и errors. Под первыми понимаются факты оплошностей в потоке речи вследствие усталости, возбуждения и т.п., когда возможно быстрое самоисправление со стороны говорящего. К числу вторых относятся типичные отклонения от правил изучаемого языка, т.е. ошибки, которые допускаются обучаемыми в ходе освоения языка и не поддаются самокоррекции, поскольку они являются отражением определенной стадии освоения изучаемого языка. В этом случае ошибка выступает как проявление

активности индивида в процессе формирования и проверки им своих гипотез относительно правил изучаемого языка. (Corder 1967)

Исследования, проведенные в 70-х гг., выявили, что существуют ошибки межъязыковые (interlingual errors), т.е. ошибки межъязыковой интерференции, и внутриязыковые (intralingual errors), отражающие специфику процесса овладения языком или их еще принято называть "ошибки развития" (developmental errors). Межъязыковые ошибки возникают за счет влияния родного языка на изучаемый. Внутриязыковые ошибки первоначально также рассматривались как ошибки, обусловленные исключительно интерференцией, а в ходе анализа внимание уделялось тем элементам формы или значения языковых явлений, которые могли взаимодействовать в рамках изучаемого языка. Однако исследования, проводимые в последние десятилетия, сосредоточиваются на том, что через анализ ошибок такого рода можно и нужно выявлять стратегии, которые могут использоваться для облегчения процесса овладения иностранным языком. К таким стратегиям относятся сверхгенерализация, игнорирование ограничений использования определенного правила, неполное применение правила, формирование ошибочных гипотез при изучении определенных языковых явлений и т. д. (Залевская 1999:298-9)

Психолингвистическая классификация переводческих ошибок А. Б. Шевнина и эрратология.

Интерес представляет классификация ошибок, предложенная А. Б. Шевниным, которая объясняет природу ошибок, причину их возникновения, и позволяет корректировать стратегии обучения иностранному языку. Для систематизации, квалификации и классификации ошибочных действий переводчиков А.Б. Шевнин вводит новую дисциплину, которую называет «переводческая эрратология». «Эрратология является прикладной дисциплиной, призванной системно анализировать и классифицировать случаи неправильного перевода и тем самым способствовать повышению качества перевода. Если существуют соответствие, адекватность и эквивалентность, то должны существовать и их антиподы — несоответствие, неадекватность и неэквивалентность. Предметом эрратологии является поиск и выявление несоответствий, которые в своей совокупности свидетельствуют о неадекватно избранной тактике переводческого процесса, и, в конечном итоге, ошибочной стратегии, результатом которой является текст перевода, не эквивалентный тексту оригинала». (Шевнин 2003:196-197) А.Б. Шевниным выделяются ошибки экспрессивного типа и импрессивного.

Ошибки импрессивного типа – это ошибки, возникающие в результате неадекватного восприятия и понимания оригинального текста. Они характеризуются использованием слов, словосочетаний, грамматических конструкций вопреки смыслу, вкладываемому в них в рамках текста и коммуникативной ситуации. Ошибки импрессивного типа могут оказывать значительное влияние на процесс межкультурной коммуникации. А. Б. Шевнин предлагает использовать термин «агномим», который охватывает все виды отклонений в понимании текста оригинала. Особое внимание следует уделять итеративным агномимам. Итеративный агномим – это «агномим, при котором отклонение в понимании текста

при переводческой деятельности носит повторяющийся, неоднократный, систематический характер». (Шевнин 2003:112) Выделяются лексико-семантические и грамматические агнонимы. Лексико-семантические, в свою очередь, делятся на автологизмы (употребление при переводе слова в прямом значении в ущерб его смыслу в структуре высказывания или текста), атопоны или лакуны (агнонимы, связанные с неправильной передачей реалий в языке профессионально-массовой коммуникации), алогизмы (в их основе лежат логические противоречия фактам реальной действительности), агнонимы, связанные с опущением информации, предназначенной для передачи в тексте перевода. К грамматическим агнонимам относятся ошибки, спровоцированные неправильным восприятием различных грамматических явлений, например, атрибутивными словосочетаниями, неличными формами глаголов, предложным управлением, специфическими для языка профессиональной коммуникации синтаксическими конструкциями.

Ошибки экспрессивного типа – это ошибки, возникающие в результате создания текста перевода, это ошибки порождения. Термин, предлагаемый А. Б. Шевниным – «паранорматив». К появлению ошибок экспрессивного типа ведет «несоблюдение или игнорирование языковой и речевой норм. Соотношение между языковой и речевой нормами носит следующий характер: то, что нормативно, то есть соответствует языковой норме, не обязательно узуально, то есть не всегда соответствует речевой норме. Но то, что узуально, должно, как правило, соответствовать языковой норме. Соблюдение языковой системы, языковой нормы и речевой нормы (узуса) – вот три основных кита, на которых основывается эффективность процесса порождения текста перевода». (Шевнин 2003:166) Неумение переводящего грамотно писать разными стилями, адекватно употреблять языковые средства в определенных коммуникативных ситуациях, различать смысловые и стилистические тонкости приводит к возникновению паранормативов в текстах переводов. (Шевнин 2003, Комиссаров 2001) Паранормативы можно разделить на несколько групп. В первую входят паранормативы, порожденные переносом английского порядка слов на русский, вторая группа охватывает паранормативы, обусловленные несоблюдением сочетаемости слов русского языка. Третья группа – это паранормативы, возникающие из паронимии. Четвертая группа — это паранормативы узуального типа, связанные с незнанием жанрово-стилистических особенностей переводимого текста. И последняя группа включает в себя прочие паранормативы, которые не являются многочисленными и не образуют отдельных групп, связанные со смешением видо-временных форм, падежным несогласованием, орфографическими и пунктуационными ошибками. Исследование, проведенное А. Б. Шевниным, показало, что соотношение ошибок восприятия и ошибок порождения составляет 1:3.

Анализ ошибок восприятия и порождения при переводе юридических текстов с английского языка на русский.

Мы проанализировали письменные аутентичные тексты юридического дискурса на английском языке в количестве 20 единиц, каждый объемом приблизительно 1500 знаков. Всего примерно 1000 текстов. Анализу были подвергнуты работы студентов 7 групп средней численностью 15 человек. Сбор материалов проводился в течение года. Студентам разрешалось пользоваться словарями, время на перевод текстов было ограничено 60 минутами. Вид перевода — учебный. «Учебный перевод — перевод, используемый в учебном процессе для подготовки переводчиков или как один из приемов обучения иностранному языку». (Паршин 2000:18). Нашей целью было выявить ошибки, наиболее характерные для учебных переводов юридических текстов. Ошибки мы подразделяем на импрессивные и экспрессивные, согласно терминологии А. Б. Шевнина. Ниже приводим ошибки студентов и даем возможный правильный вариант.

Ошибки восприятия или ошибки импрессивного типа (агнонимы):
Грамматические агнонимы:

- связанные с неправильным определением сказуемого и его видовременной формы

It **will mark** the end of the judicial function – Это также **отметка** окончания судебных функций... или Это **знак** окончания судебных функций

Правильный вариант: Это событие указывает на окончание.....

The court is designed to be an independent institution – Суд – это **проект** самостоятельного института

Правильный вариант: Суд **создается** как независимая структура....

The offer will **last** for the period of time... – Оферта будет **последней** на период времени....

Правильный вариант: Действие оферты **длится** в течение определенного периода времени....

The Privy Council which **acts** as ...– Тайный Совет **с актами** как...

Правильный вариант: Тайный Совет, который **действует** как...

The judge **rules** on points of law... – У судьи есть правила по вопросам права.

Правильный вариант: Судья принимает решения по вопросам права.

Вышеприведенные примеры, в которых сказуемое в Present Simple омонимично существительному, показывают, что игнорирование или непонимание синтаксической структуры предложения приводит к искажению транслируемой информации.

A person who **has secured** debts... and **unsecured** debts... – Гражданин, который обеспечил долги ...и не обеспечил долги...

Правильный вариант: Лицо, у которого есть обеспеченные и не обеспеченные долги...

In a trial used as a teaching exercise the whole class acts as a jury. – Судебное разбирательство использовало как учебное упражнение действия всего класса как присяжных.

В этом варианте перевода, предложенного студентами, очевидно непонимание синтаксической структуры предложения. Обстоятельство “In a trial”

рассматривается переводящим в качестве подлежащего, несмотря на наличие предлога перед существительным, видимо, расположение словосочетания в начале предложения и последующий глагол с “ed” наталкивают на эту мысль. А реальное сказуемое – глагол в настоящем простом времени, стоящий в третьем лице, “acts” представляется дополнением, выраженным существительным во множественном числе. Суффиксы “ed” и “s” ввели в заблуждение студентов, переводящих это предложение.

Правильный вариант: Вся группа студентов выполняет роль присяжных на судебном разбирательстве, которое используется как учебное упражнение.

- связанные с непониманием придаточных определительных предложений:

In committals all the magistrates do is hear outline evidence...—при передаче дела на рассмотрение в вышестоящую инстанцию все магистраты заслушивают все основания...

При передаче дела на рассмотрение в вышестоящую инстанцию все, что необходимо сделать магистратам, □ это заслушать в общих чертах свидетельские показания по делу ...

- связанные с неумением вычлнить атрибутивную конструкцию:

Law Lords – закон о лордах *вместо* лорды-судьи или судебные лорды;
the Constitutional Reform Act – конституционная реформа акта или конституционный акт реформы *вместо* акт (закон) о конституционной реформе;

Crown court judges – коронные судьи *вместо* судьи суда короны
stock market swindling — рынок мошенничества *вместо* мошенничество на фондовом рынке

- связанные с игнорированием независимого причастного оборота (плюс нарушение логичности высказывания):

..., with the magistrates deciding on guilt or innocence and then sentencing the criminal.— с решением магистратов о виновности или невиновности после приговора преступника.

Правильный вариант: При этом магистраты принимают решение о виновности или невиновности подсудимого и затем виновному в совершении преступления выносят приговор.

- неверное определение синтаксической функции слова в предложении

However, the defendant **is subject to** cross-examination by the prosecution like any other defence witness. – Однако подсудимый является предметом перекрестного допроса у обвинения как любой свидетель защиты.

Правильный вариант: Однако, как любой другой свидетель защиты подсудимый подлежит перекрестному допросу, которое проводит обвинение.

- связанные с незнанием или неумением определить усилительные (эмфатические) конструкции

The judge **does intervene** to ask questions. — Судья вмешивается, чтобы задать вопросы.

Правильный вариант: Судья **все же** приостанавливает ход судебного разбирательства и задает вопросы.

It is the police **who** are responsible for controlling offences like... — Это полиция, кто отвечает за контроль таких преступлений как...

Правильный вариант: Именно полиция отвечает за контроль таких преступлений как...

- связанные с незнанием или неумением определить сложные инфинитивные конструкции (Complex Object, Complex Subject)

Forty three per cent of people interviewed were reported to trust the police. — Сорок три процента опрошенных сообщили, что они доверяют полиции.

Правильный вариант: В отчете сообщалось, что сорок три процента респондентов доверяют полиции.

- связанные с незнанием или неумением определить модальные глаголы и их эквиваленты

Now the judge **is to** sum up the case to them. — Судья подводит итог по делу.

Правильный вариант: Теперь судье предстоит подвести итог по делу.

Лексико-семантические агнонимы:

- незнание реалий:

the Lords of Appeal in Ordinary — Судебные Лорды в Ординарии *вместо* члены Палаты Лордов, назначаемые для рассмотрения апелляций;

Privy Council – Тайное консульство *вместо* тайный совет;

Devolution issues - передача споров *вместо* вопросы, связанные с делегированием власти (предоставлением определённой степени самоуправления Шотландии и Уэльсу в рамках Соединённого Королевства);

«taking silk» шелковый захват *вместо* становится королевским адвокатом;

Queen’s Counsel — королевский консул *вместо* королевский адвокат;

Crown courts — королевские суды *вместо* суды короны;

the Metropolitan — метрополитен *вместо* столичная полиция;

the Department for Constitutional Affairs — отделение конституционных вопросов *вместо* Министерство юстиции.

- неверный выбор одного значения из множества других:

minor cases — незначительные случаи *вместо* дела;

law of pease — право на мир *вместо* право мира (в отличие от законов и обычаев войны);

law of war – право на войну *вместо* законы и обычаи войны;

officer of the government — офицер правительства *вместо* правительственный чиновник;

Regulations (в тексте по международному праву) — постановления *вместо* регламенты;

The judge will tell them **formally to acquit** the accused. – Судья **говорит формально освободить** обвиняемого. *вместо* Судья **официально инструктирует** их (присяжных) **оправдать** обвиняемого.

Serious cases are referred by magistrates to the Crown Court — this is called «**committal**» — Серьезные дела магистраты передают в суд короны- это называется «**комиссия**» *вместо* «**передача дела на рассмотрение в вышестоящую инстанцию**»;

Each department **is charged with** the enforcement of the particular laws...— Каждый департамент **обвиняется** в исполнении определенных законов... *вместо* Каждый департамент **отвечает за** обеспечение исполнения определенных законов...

customs – таможня и reason – причина в фразе common law based on customs and reason *вместо* обычаи и разумность;

The Supreme Court will have the same **powers**. — Верховный суд будет иметь точно такую же **силу**.

Правильный перевод: У Верховного суда будут те же самые **полномочия**.

The first **session** of the Supreme Court — Первая **сессия** Верховного Суда, *вместо заседание*

Barristers who have proved their **worth** to the Establishment — Барристеры, которые доказали свое **достоинство** перед правящей элитой *вместо* Барристеры, которые доказали правящим кругам на что они способны

The **careers** of judge and lawyers – **Карьеры** судьи и адвокатов... *вместо профессии* судьи и адвокатов

Individuals **seeking legal advice**...—Индивиды, **ищущие юридического совета**

Правильный вариант перевода: Люди, которым **необходима юридическая консультация**...

The most common tort, **in terms of the number of court actions started**, is negligence — Самый известный деликт, который **занимает больше всего времени**, это небрежность.

Правильный вариант: Самый распространенный деликт, **по количеству подаваемых исков**, это небрежность.

В этом предложении студент неверно понял значение слова term. Одно из значений это «период времени, срок», что и спровоцировало перевод предложения, полностью искажающий смысл оригинального предложения.

Однажды мы столкнулись с очень неожиданным вариантом перевода слова «solicitor» («солиситор»). Студент перевел его как «солитер», явно не понимая, о чем идет речь.

- Ошибки в переводе союзных слов и предлогов

since – **с тех пор как** *вместо так как* в предложении **Since** all courts are Queen's courts, all judges are appointed by the Crown. – С тех пор как все суды стали королевскими судами, всех судей назначает Корона.

Правильный вариант перевода: Так как все суды действуют от имени королевы, все судьи назначаются королевской властью.

People who stated that capital punishment was not a deterrent to murder — **for** there have always been murders in all countries with or without the law of execution – now feel... – Люди, которые заявляли, что смертная казнь не является сдерживающим средством от убийств – для всех стран как с законом о смертной казне, так и без него – теперь считают...

Правильный вариант: Люди, которые заявляли о том, что смертная казнь не является средством, удерживающим от совершения убийства – из-за того, что во всех странах как с законом о смертной казне, так и без него всегда совершались убийства – теперь считают...

The House of Lords will **from here on** have only a legislative function. — Палата Лордов **здесь** будет иметь только законодательную функцию.

Правильный вариант: **С этого момента** Палата Лордов будет выполнять только законодательную функцию.

- Неверное понимание значений общеупотребительных и терминологических сочетаний слов, их буквальный перевод:
took place – брали место *вместо* происходили, имели место;
to stay in office – остаться в офисе *вместо* продолжать оставаться у власти;
electoral rolls — избирательный округ *вместо* избирательные списки;
legal procedure — юридическая процедура *вместо* судебный процессы;
specific performance – специальное исполнение *вместо* реальное исполнение;
political unit (в предложении «In the United States each political unit may have its own police force») – политическая единица *вместо* административно-территориальная единица;

- Неверный перевод (из-за неумения вычленишь) устойчивых словосочетаний, идиом, которые встречаются в юридических текстах:
In contrast to the continental inquisitorial system, very little is **cut and dried** by the time of the trial. — В отличие от континентальной дознавательной системы очень мало «режется и сушится» ко времени судебного разбирательства.

В этом варианте перевода студенты, осознавая полную его абсурдность, заключают словосочетание «режется и сушится» в кавычки, чтобы показать его фигуральность, но дают пословный перевод по разным причинам: неумение пользоваться словарем (это выражение есть в словаре), отсутствие фоновых экстралингвистических знаний, позволяющих понять конкретную ситуацию, нежелание вникнуть в переводческую проблему и т.д.

Правильный вариант перевода: В отличие от континентальной дознавательной системы в состязательной системе сложно заранее определить результат судебного разбирательства.

Смешение лексико-семантических и грамматических агнонимов в одном предложении приводит к таким вариантам переводов:

Neither the prosecution nor defence counsel is concerned to establish the whole truth about the accused person. — Ни судебного преследования ни защитника нет, это касается установления правды об обвиняемой личности.

В этом предложении мы видим явное отсутствие логики в высказывании, вызванное, во-первых, неправильным осмыслением синтаксической структуры предложения.

Правильный вариант: Ни обвинитель, ни защитник не заинтересованы в том, чтобы установить всю правду об обвиняемом.

Ошибки порождения или ошибки экспрессивного типа (паранормативы):
barristers of long experience — Барристеры с длинным опытом *вместо* барристеры с большим опытом работы;

the right of audience — право аудиенции в суде *вместо* право выступать в суде;

the right to silence – право молчать *вместо* право не отвечать на вопросы;

motoring offence – автомобильное преступление *вместо* дорожно-транспортное правонарушение;

to find guilty – найти виновным *вместо* признать виновным;

suspended sentence – отложенный приговор *вместо* приговор отсроченный исполнением;

The focus of the reform – центральный момент реформы *вместо* цель реформы;

the Blair administration — Блейерское управление *вместо* правительство во главе с Тони Блэром;

workers mobility – подвижность работников *вместо* мобильность (или миграция) работников;

elements of crime – элементы преступления *вместо* элементы состава преступления;

human rights — человеческие права *вместо* права человека;

national life – национальная жизнь *вместо* жизнь государства;

non-controversial matters — бесспорные вопросы *вместо* дела, не требующие судебного рассмотрения;

Britain's constitutional history — Британская конституциональная история *вместо* история британского государства;

a person of legal age — лицо законного возраста *вместо* совершеннолетний

The defence has the last word. – У защиты есть последнее слово.

Правильный вариант: Представитель защиты выступает последним.

In practice, the apparently great effect of this distinction is significantly reduced by the practice of requiring company directors (who are usually also shareholders) to give personal guarantees for loans and overdrafts from the bank... – В практике, очевидно огромное влияние этого различия значительно уменьшено посредством практики требования от директоров компаний (кто также являются акционерами) предоставлять личные гарантии за займы и овердрафты...

Мы видим пример пословного перевода, в котором английский порядок слов полностью переносится на русское предложение. Правильный вариант: На практике, из-за того, что от директоров компаний (которые обычно тоже являются акционерами) требуются личные гарантии для получения банковских ссуд и овердрафтов, значительно сокращается очевидное различие (между этими формами ведения бизнеса).

The status of the United States international trade in the 1990s has caused trade to be a topic of common conversation....- В 90х годах статус Соединенных Штатов в международной торговле стал причиной того, что торговля стала основной разговорной темой...Правильный вариант: Состояние внешней торговли США в 90ые годы привело к тому, что о торговле заговорили все.

The last judgments of the Law Lords of the UK took place on July 30, 2009. — Последние решения судебных лордов Соединенного Королевства имеют место на 30 июля, 2009 года.

В этом варианте перевода есть несоблюдение видо-временной формы глагола-сказуемого и перенос английского порядка слов на русское предложение. Правильный вариант перевода: 30 июля 2009 года лордами – судьями Соединенного Королевства были приняты последние судебные решения.

A tort is a civil wrong which injures someone or harms a person's property or reputation. – Деликт – это гражданское правонарушение, которое причиняет вред кому-либо или вредит частной собственности или репутации.

Правильный вариант: Деликт – это гражданское правонарушение, влекущее за собой причинение физического вреда личности или причинение вреда репутации, или нанесение ущерба частной собственности.

Anybody who suffers financial loss through someone else's negligence has a right ... — Любой, кто страдает от финансовой недостаточности из-за чьей-то небрежности имеет право....

Правильный вариант: Тот, кто терпит финансовые убытки из-за чужой халатности, имеет право...

The contractual power of a corporation is determined by the provisions of its charter and the statutes of the state where it was incorporated. — Возможность заключать договоры корпорацией определяется условием глав и законов государств, где они расположены.

В этом предложении есть ошибки как импрессивного вида («charter» перепутано со словом «chapter» из-за частичной схожести в написании, «state» — «государство» вместо «штат», у слова «incorporated» выбрано не то значение, точнее, перевод слова просто придуман), так и экспрессивного вида (перенос английского порядка слов на русское предложение).

Правильный вариант перевода: Устав корпорации и законы штата, в котором она была зарегистрирована, определяют право корпорации заключать договоры.

Приведем лишь несколько примеров паранормативов, представленных орфографическими ошибками в учебных переводах студентов.

the Lord Chancellor — Лорд Канслер *вместо* Лорд Канцлер;

the Chancery Division — Канцелярское отделение *вместо* Канцлерское отделение;

solicitor — солиситер *вместо* солиситор (пример с «солитером» приведен выше).

Выводы.

Проведенная работа позволяет сделать вывод, что чем ниже уровень языковой подготовки студентов по английскому языку, тем больше ошибок восприятия они совершают. Ошибки порождения вызваны, в основном, недостаточным знанием родного языка, низким уровнем общей культуры, отсутствием фоновых знаний в определенной области, то есть не только несформированной лингвистической компетенцией, но и неразвитыми социокультурной и социолингвистическими компетенциями. При переводе текстов по специальности ошибки возникают из-за непонимания специфичных для определенной системы права юридических терминов, из-за незнания общеправовой терминологии, наличия сложных синтаксических конструкций (например, определительные, условные придаточные предложения), неумения опознавать определенные грамматические конструкции (например, страдательный залог, атрибутивные конструкции, сложные инфинитивные конструкции, видо-временные формы глагола). Регулярная работа, направленная на выявление и анализ ошибок в учебных переводах студентов, позволит разработать эффективную систему упражнений, обучающих преодолению определенных трудностей перевода на различных этапах обучения, скорректировать содержание учебных модулей, и, стратегически, будет способствовать формированию и развитию переводческой компетентности.

Библиография

- Corder, Stephen Pit. 1967. The significance of learner's errors. *International Review of Applied Linguistics* 5: 161-69.
- Залевская А. А. 1999. *Введение в психолингвистику*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет
- Комиссаров В.Н. 2001. *Современное переводоведение*. Москва: Изд-во «ЭТС»
- Левитан К.М. 2010. *Юридический перевод: основы теории и практики*. Москва: Изд-во «Проспект», Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия»
- Миньяр-Белоручев Р.К. 1996. *Теория и методы перевода*. Москва: Московский лицей
- Паршин А.Н. 2000. *Теория и практика перевода*. Москва: Русский язык
- Шевнин А.Б. 2003. *Эрратология*. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ В ИНТЕРНЕТ-ФОРУМЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЯЗЫКЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Natalia KUZNETSOVA, Ph.D

Tyumen State University

625003, Russia, Tyumen, Semakova str., 10,

Chair of Russian Language

nvkouznets@gmail.com

Краткое содержание: В статье рассматриваются основные приемы трансформации юридического дискурса в лично ориентированном общении, или способы «перевода» юридического дискурса на язык повседневности. Автор связывает эти приемы с особенностями повседневного мышления и с типичными свойствами адресанта и адресата. Исследование выполнено на материале текстов интернет-форумов. Выявлены два вектора, направляющие адаптацию юридического дискурса к ситуациям повседневной жизни, - субъективизация и конкретизация. Субъективизация проявляется в таких приемах, как актуализация «я-темы» и «ты-темы»; замена юридических терминов, номенклатурных наименований и книжных оборотов субстандартными эквивалентами; использование оценочных слов и выражений по отношению к ситуациям и отдельным их сторонам. Конкретизация воплощается в «психологизации» юридических лиц и в описательных номинациях юридических лиц через пространственные указатели.

LEGAL CONSULTING IN INTERNET FORUMS: TRANSFORMATION OF LEGAL DISCOURSE IN EVERYDAY LANGUAGE

Abstract: The author having examined the contents of several internet-forums tackles major means of legal discourse transformation in inter-personal communication, linking them with the peculiarities of mundane thinking and with characteristics of the categories “the addresser” and “the addressee”. Two basic vectors: subjectivity and concretization are regarded as most important in the adaptation of legal discourse for the demands of everyday life. Subjectivity is revealed in the presentation of a “me-focus” and “you-focus”, in the substitution of legal and special terms, bookish phrases by their substandard equivalents, as well as the usage of words with evaluative connotations to describe situations both in the whole and in the particular. Concretization is revealed in ascribing personal features to legal bodies and in the descriptive nominations of legal bodies by the means of spatial indexes.

KONSULTACJE PRAWNICZE NA FORACH INTERNETOWYCH: PRZEKSZTAŁCENIE DYSKURSU PRAWNICZEGO W JĘZYK POTOCZNY

Abstrakt: Artykuł powstał w oparciu o analizę kilku forów internetowych, na których udziela się internautom porad prawnych. Autorka skoncentrowała się na analizie dyskursu i przekształceniach typowego dyskursu prawniczego w dyskurs typowy dla języka potocznego. W artykule zwraca się uwagę na osobę nadawcy i odbiorcy komunikatu i problem subiektywności i konkretyzacji dyskursu. Autorka w oparciu o przeprowadzone badania podaje przykłady subiektywizacji i konkretyzacji dyskursu.

Введение

Юридический дискурс принадлежит к числу разновидностей институционального дискурса (Карасик 2002, 279). На русском языке он реализуется в различных жанрах официально-делового стиля, обладающего набором устойчивых коммуникативных характеристик и языковых средств (см., напр., Максимов 2005, 82-98). Вместе с тем, коммуникативный континуум современного общества представляется достаточно целостным для того, чтобы разные его сферы не существовали автономно, а взаимодействовали. Так, общение на юридическую тематику может осуществляться и в рамках лично-ориентированного¹ дискурса, что происходит, например, в интернет-форуме.

Коммуникативная ситуация в интернет-форуме

Интернет-коммуникация является благоприятной средой для лично-ориентированного общения и самовыражения личности (Чеботарева 2004, Белинская 2005, Сидорова 2006 и др.). Поэтому собеседники выступают здесь прежде всего как частные лица со своим уникальным опытом в какой-либо сфере жизни, а не как представители тех или иных социальных институтов, опирающиеся на абстрактные знания. Вместе с тем, тематическое разнообразие интернет-коммуникации исключительно велико. Так, тюменский региональный интернет-форум (Тюмень наш город.ру) содержит более 50 тематических разделов, каждый из которых, в свою очередь, может состоять из нескольких подразделов. Среди разделов, например, следующие: «Строительство и ремонт», «Спутниковая и кабельная связь», «Туризм», «Политика», «Автомобили», «Работа в Тюмени». Многие из представленных на форуме тем обсуждаются обычно в рамках институционального дискурса, однако в интернет-форуме они втягиваются в орбиту лично-ориентированного общения. Не является исключением и юридическая тема. В разделе «Юридическая консультация» участники полилогов пытаются приложить нормы законодательства, воплощенные в юридическом дискурсе, к ситуациям повседневной жизни – самоочевидной сферы «рутины», являющейся, по замечанию философов, условием всякого другого опыта (Шубина 2006, 55). Авторами сообщений названного раздела являются и юристы, специализирующиеся в основном по гражданскому и административному праву, и рядовые граждане, спрашивающие их совета либо делящиеся своим опытом. Разумеется, профессиональные юристы не раскрывают всех «карт» в Интернете, а приглашают на платную консультацию (справедливо указывая, что каждый случай уникален). Однако они общаются на юридические темы, что дает необходимый для нашего исследования материал. Его объем составил 21 тысячу словоупотреблений, число авторов – 90 человек. Сообщения публиковались на форуме в октябре 2005 – марте 2010 года.

В данной статье используется термин *дискурс*, понимаемый как «система ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции» (Серио 1999, 27). Термин *юридический дискурс* в данном случае считаем эквивалентом термину

официально-деловой стиль. Юридический дискурс оформляет общение в сфере законодательства, делопроизводства, юридических отношений (Максимов 2005, 84). Для него характерен набор экстралингвистических признаков, обуславливающих специфику языковых средств: тенденция к объективности, тенденция к обобщенности, стремление к смысловой ясности, однозначности и определенности (Максимов 2005, 84). Перечисленные характеристики не свойственны языку повседневности. Под этим термином подразумеваем комплекс языковых средств, оформляющий общение в ситуациях повседневной жизни. Он близок по значению термину *разговорная речь*, однако своей внутренней формой он связан с философской категорией повседневности. Основная сфера использования языка повседневности, как и разговорной речи, – неформальное личностно ориентированное, преимущественно устное, общение. Однако в понятие языка повседневности мы включаем и так называемый профессиональный жаргон, обслуживающий повседневную деятельность в различных профессиональных сферах². Исследование может быть использовано при изучении стилистической системы русского языка и в дискурсивных исследованиях при анализе взаимодействия разных видов дискурса. Наблюдения позволили выделить следующие приемы адаптации юридического дискурса к ситуациям повседневной жизни в процессе интернет-коммуникации.

Актуализация «я-темы»

«Я-тема» связывает предметную (в данном случае юридическую) тему текста с личным опытом коммуниканта (Сибирякова 1996, 90; Матвеева 1994, 129). Она воплощается прежде всего через местоимения и глаголы 1 лица, например (здесь и далее – орфография и пунктуация источника – Н.К.): *ФНС требует прикладывать к такому акту какой-нибудь документ свидетельствующий собственность на передаваемое имущество (я лично, всегда прикладываю копию гарантийного талона на технику)*. В данном случае обобщенный взгляд на ситуацию конкретизируется в опыте человека, что передается высказыванием, заключенным в скобки (средства воплощения «я-темы» выделены шрифтом). Обычно же мыслящий субъект, так сказать, освобожден от скобок, находится на первом плане, как в следующем высказывании: *Сейчас узакониваем перепланировку, у нас объединены две квартиры и используется часть коридора общего пользования*.

Не всегда, однако, «я-тема» обозначается прямо. Так, в следующем фрагменте в некоторых случаях местоимение 1 лица в позициях объекта и субъекта действия восстанавливается из соседних высказываний:

У меня вопрос наверно самый легкий. В ходе приватизации появился [у кого?]. При выходе из квартиры 2 кв. м. подъезда отгорожены второй железной дверью, соседей нет, пространство фактически используется как прихожая. Отправляют [кого?] в суд на Республики, 204 узаконивать перепланировку (писать исковое заявление) или устранять. Вопрос собственно - а что писать-то в этом заявлении? В суд звонил [кто?] - даже хотя бы примерно подсказать [кому?] не могут, и услуги даже платной нету, чтоб кто-то написал это заявление. На

"захваченной" территории также находятся электросчетчики **наши и соседей**.

На первом плане, таким образом, находится не столько ситуация, сколько субъект. Это согласуется с наблюдениями философов, согласно которым неотъемлемым свойством повседневности как сферы опыта является «субъектоцентризм или даже «я»-центризм» (Шубина 2006, 62). Эту характеристику представляется возможным связать с «я-темой» в тексте интернет-форума.

Кроме того, в ответах на вопросы конкретного участника форума часто актуализируется так называемая «ты-тема», например: *Если у **тебя** квартира в Калининском АО г.Тюмени находится, то **тебе** нужно обращаться в Калининский районный суд г.Тюмени, в котором проект на переустройство не требуется.* Известно, что взаимодействие «я-темы» и «ты-темы» создает динамику разговорного диалога (Борисова 1999, 91). То же наблюдается и в интернет-форуме.

Субстандартные единицы

Участники «Юридической консультации» зачастую заменяют юридические термины, номенклатурные наименования и книжные выражения разговорными и жаргонными (субстандартными) эквивалентами, например:

налоговая – налоговая инспекция;

загранник – заграничный паспорт;

уставняк – уставной капитал;

приходник – приходный кассовый ордер;

самоволка – самовольная реконструкция или перепланировка;

бегунок для согласований – акт согласования;

прокатит – является допустимым, ср.: А обязательна ли прописка именно в г. Тюмени или по области прокатит?;

свалить – возложить (о функциях), ср.: все бухгалтерские функции свалить на фирму.

Субстандартными языковыми средствами создается неофициальная, фамильярная тональность, свойственная интернет-общению как таковому (Кузнецова 2009, 85-89). Подобная замена приближает «высокие» юридические понятия к ситуациям повседневной жизни. Особенно интересны в связи с этим случаи «перевода» слов и выражений с юридического языка на бытовую, ср. (знаком | обозначен разрыв строки): *при заказе выписки для сделок, **выезд** всегда **обязателен** | т.е. **техник поедет**.* В данном случае конструкция с предикатным актантом, выраженным девербативом (*выезд*), поясняется при помощи конструкции с актантом – лицом, что «приближает» текст к повседневности.

В следующем фрагменте автор употребляет сокращенную номинацию также после пояснительного союза *т.е.* и попытки обозначить явление при помощи юридической формулировки:

Добавлено: Ср мар 04, 2009 20:3 Enigma7

подскажите пожалуйста, является ли наличие нескольких перепланированных (незаконенных) квартир в доме препятствием для передачи дома в муниципальную собственность?

Добавлено: Ср мар 04, 2009 21:10 evgenis

***Enigma7**, уточните, что вы имеете ввиду под словом "передача"? Т.е. сдачу в эксплуатацию, или что-то еще?*

Добавлено: Чт мар 05, 2009 00:05 Enigma7

я имела ввиду передачу жилого дома из хоз.ведения организации (где он сейчас находится) в муниципальную собственность. т.е. так называемая "передача городу".

В данном случае недоразумение возникло из-за того, что автор первоначально не указал «отправной пункт» действия *передача дома в муниципальную собственность*; в целом же номинация принадлежит юридическому дискурсу. В поясняющем высказывании он расширяет словосочетание-номинацию (*передача жилого дома из хоз.<яйственного> ведения организации <...> в муниципальную собственность*), но после пояснительного союза прибегает – вероятно, для большей «доходчивости» – к сокращенному наименованию *передача городу*, сопровождая его, правда, дискурсивным сочетанием *так называемая* и заключив в кавычки.

Единицами, которые подвергаются сокращению иногда буквально до неузнаваемости, являются номенклатурные наименования организаций, например: *а если в соц. страх и в пенсионный своевременно не обратился?* (имеются в виду отделение Фонда социального страхования и отделение Пенсионного фонда); *пошел согласовывать в архитектуру* (подразумевается управление архитектуры и градостроительства департамента градостроительной политики г. Тюмени). Подобных наименований организаций, сокращенных до одного опорного слова или словосочетания, судя по всему, вполне достаточно для успешного лично ориентированного общения.

Оценочные слова и выражения

Характерным свойством интернет-форумов является использование оценочных слов и выражений по отношению к ситуациям и отдельным их сторонам, например:

*нотариус **прискребся** к одной букве, пришлось переписать;*

*они никогда предупреждения не выписывают, сразу штрафы **лупят**;*

*руководству БТИ эти доводы – **до лампочки**;*

*со служебным ордером **возня** – два суда нужно организовывать;*

*из простейшей процедуры, которая раньше в Регистрационной палате занимала 30-40 минут, развели такую вот **байду**.*

Экспрессивная оценочность – характерное свойство разговорной речи (Земская 2004, 41). Его, вероятно, можно связать с «субъектоцентризмом» повседневноности как сферы опыта. Субъект охраняет свои интересы, он не может быть равнодушным к тому, что с ним происходит (особенно к трудностям, с

которыми сталкивается), и описывать ситуации только в рамках объективного юридического дискурса.

В некоторых случаях сообщение из-за обилия экспрессивных оценочных языковых средств утрачивает связь с юридической тематикой, превращаясь, по сути, в публицистический монолог, например:

Моя свекровь проживает на первом этаже однокомнатной квартиры. Новый сосед с 4 этажа стал рыть личный погреб в подвале прямо под её кухней. (...) Ну вот почему так в "наша раша": ну купи ты хорошую ячейку в овощехранилище, рядом есть такое, и живи горя не зная, забирая овощи на своей приличной иномарочке! Так нет, будем создавать прецедент для расплождения кротов-самостройщиков, мотать всем нервы и получать в результате плесень и вонь соседям и гнилую картошку себе в тёплом подвале! Прошу прощения за эмоционирование (sic! – Н.К.), но иногда устаёшь от борьбы с простотой ЧЕЛОВЕКОВ умных!!! (| Вот только интересно, а администрация хоть что-нибудь дельное предпримет или нет? И что потом делать, неуж-то и впрямь в суд предётся тащиться! бр-р-р-р-р.

Такое выражение эмоций при помощи риторических восклицаний, шрифтового выделения, смайликов-скобок, междометий и других средств в целом не противопоставлено интернет-форуму, но в данном случае уводит разговор в область чистой оценочности. Вероятно, поэтому автор сообщения счел необходимым извиниться. В целом же оценочные слова и выражения содержатся в виде вкраплений почти во всех проанализированных сообщениях.

Комплексное отражение «субъектоцентризма»

Обычно языковые средства, отражающие «субъектоцентризм» повседневности, представлены в текстах интернет-форумов в комплексе. В качестве примера приведем следующий фрагмент (полужирным шрифтом выделены субстандартные эквиваленты книжных единиц; полужирным подчеркнутым – оценочное выражение, подчеркнутым – средства воплощения «я-темы»): у меня контору зарегели [=зарегистрировали организацию] 7 апреля, а 9 апреля отправили [=направили] на имя директора повестку, тупа [=в которой было указано, что нужно] явиться [кому?] для подписания протокола об административном правонарушении (недостовверные сведения о юр.лице)...что за ботва интересно [общая оценка ситуации]...чего делать [кому?], подписывать или нет?

«Психологизация» юридических лиц

Этот прием заключается в том, что юридическим лицам приписываются действия и состояния, производить или испытывать которые может только человек; в частности: *ФНС **требует** прикладывать к такому акту какой-нибудь документ свидетельствующий собственность на передаваемое имущество; а как налоговая*

относится к тому что фирма регистрируется в квартире где проживает один из учредителей?; налоговая поумнела; И с какого это страху БТИ откажется провести инвентаризацию отдельного, изолированного жилого помещения?; Межведомственная отправляет в ДПП и наоборот (имеются в виду межведомственная комиссия по перепланировке и департамент градостроительной политики). Наблюдаются колебания в категории числа и рода у сказуемого при подлежащем, обозначенном аббревиатурой БТИ (Бюро технической инвентаризации): БТИ в техпаспорт поставила штамп "самовольная реконструкция"; Свой косяк БТИ согласно ликвидировать исключительно платно; после первого посещения БТИ должны были дать справку, что в квартире выполнена перепланировка. Колебания могут наблюдаться даже в пределах одного высказывания: пришло БТИ, все понравилось, про ванну с туалетом претензий нет, но докопались до арки на кухню. Очевидно, в таких примерах отражается предельная конкретность и прагматизм повседневного сознания (Шубина 2006, 60): реальный субъект действия или состояния, обозначенного сказуемым, – не организация, а ее сотрудник(и), к которому(ым) обращался пишущий.

Описательные номинации юридических лиц через пространственные указатели

Так, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный по контролю и надзору в области налогов и сборов, и его территориальные органы (это наименование приведено в Налоговом Кодексе РФ) на форуме «превращается» в *16 окно ИФНС №3 на Товарном шоссе*. За описательной номинацией суд на Республики, 204, как можно установить из официальных источников (но не из интернет-форума), «скрывается» гражданская коллегия Ленинского районного суда г. Тюмени. Предложно-именное сочетание на Луначарского в высказывании *потом пойти на луначарского (у меня калининский р-н) с этим проектом там узаконить* в контексте обозначает отделы управления Федеральной регистрационной службы по Тюменской области, Ханты-Мансийскому – Югре и Ямало-Ненецкому автономным округам, находящиеся на ул. Луначарского, в доме 42 (кстати, большая часть отделов этого учреждения расположена по другому адресу – ул. Максима Горького, 74). Ср. также вопросы-сомнения: *разве можно в 16 окно сдавать документы? По-моему только в 110 кабинет?* Очевидно, для повседневного сознания номенклатурные наименования имеют смысл только тогда, когда они связаны с определенным объектом в пространстве. Описательные номинации организаций через пространственные указатели в тексте интернет-форума – своего рода аналог указательного жеста в непосредственном общении.

Вкрапления юридического дискурса

В исследуемом материале наблюдаются вкрапления юридического дискурса, обычно в виде дословных цитат из нормативно-правовых актов и ссылок на их отдельные статьи и пункты. Цитаты сопровождаются интерпретирующими высказываниями автора, например:

Добавлено: Пн мар 17, 2008 10:12 Старик

LUNA, Устав ООО должен содержать сведения о месте нахождения общества (пп. 2 п. 1 ст 12 Закона об ООО). Что понимать под местом нахождения – в Законе не сказано.

В то же время пунктом 1 статьи 13 Закона о государственной регистрации установлено, что государственная регистрация юридических лиц при их создании осуществляется регистрирующими органами по месту нахождения постоянно действующего исполнительного органа. Из подпункта «в» пункта 1 статьи 5 этого Закона следует, что место нахождения и адрес понятия равнозначные. Реквизиты адреса раскрыты в пункте 23 Правил оказания услуг почтовой связи:

«23. Реквизиты адреса на почтовых отправлениях и бланках почтовых переводов денежных средств пишутся в следующем порядке:

а) для юридического лица - полное или краткое наименование, для гражданина - фамилия, имя, отчество;

б) банковские реквизиты (для почтовых переводов, направляемых юридическому лицу или принимаемых от юридического лица);

в) название улицы, номер дома, номер квартиры;

г) название населенного пункта (города, поселка и т.п.);

д) название района;

е) название республики, края, области, автономного округа (области);

ж) название страны (для международных почтовых отправлений);

з) почтовый индекс.»

Делайте вывод.

Правда, и здесь имеет место сокращение юридически точных наименований нормативно-правовых актов: Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» обозначен как *Закон об ООО*, а Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» – как *Закон о государственной регистрации*³. При этом наименование *Правил оказания услуг почтовой связи* осталось в неизменном виде (вероятно, потому, что оно более краткое, чем названия законов).

Два вектора трансформации

Если первые три из перечисленных способов перевода юридического дискурса на язык повседневности можно объединить признаком *субъективизация*, то два других – признаком *конкретизация*. Наблюдения показывают, что субъективизация и конкретизация являются основными векторами, направляющими адаптацию юридического дискурса к ситуациям повседневной жизни. Участник интернет-форума на юридические темы, выступая как субъект права, является прежде всего частным лицом с индивидуальным опытом переживания повседневности, что обуславливает состав используемых им языковых средств.

Настоящая статья имеет целью обозначить проблему межстилевого перевода внутри одного языка и наметить описание способов ее решения в современной русской речевой практике. Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть связаны с обнаружением других приемов трансформации юридического (и других типов институционального) дискурса в повседневном общении, а также с изучением частотности языковых средств разных типов в лично ориентированном дискурсе на юридические темы. В перспективе отдельные результаты исследований целесообразно обобщить в виде словаря, в котором были бы представлены способы обозначения юридических понятий в языке повседневности.

Примечания

1. Следуя параграфам 130 и 131 правил русской орфографии (Лопатин 2006, 137-138), мы предпочли раздельное, а не дефисное написание терминологического сочетания *лично ориентированный*.
2. О профессиональной повседневности см. (Козырьков 2002).
3. За этой неполной номинацией мог скрываться и Федеральный закон от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», однако неопределенность разрешается с помощью контекста: анализируемое сообщение, как и «ветка» форума в целом, посвящены именно регистрации ООО.

Литература

- Карасик, В.И. 2002. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена.
- Максимов, В.И., ред. 2005. *Стилистика и литературное редактирование*. М.: Гардарики.
- Чеботарева, Н.Д. 2004. *Интернет-форум как виртуальный аналог психодинамической группы*. <http://www.follow.ru/article/181>. Дата обращения 20 декабря 2004.
- Белинская, Е.П. 2004. *Человек в информационном мире*. http://www.psyvlad.ru/wp/?3.1.1.1.1.2.2004_03_22_05_42. Дата обращения 20 декабря 2004.
- Сидорова, М.Ю. 2006. *Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение*. М.
- Тюмень Наш город.ру – работа в Тюмени, объявления, карта, общение, отдых, авто, афиша, фото, справочник компаний. <http://www.nashgorod.ru/forum/>.
- Шубина, М.П. 2006. О понятии и природе повседневности. *Известия Уральского государственного университета*. № 42. С. 55-62.
- Серио, П. 2004. Как читают тексты во Франции. In: *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*, под общ. ред. П. Серио, 12-53. М.
- Сибирякова, И.Г. 1996. *Тематическое структурирование разговорного диалога*. Канд. дисс. Екатеринбург: Уральский государственный университет.
- Матвеева, Т.В. 1994. Непринужденный диалог как текст. In: *Человек – текст – культура: Коллективная монография*, 125-140. Екатеринбург: Уральский государственный университет.
- Кузнецова, Н.В. 2009. *Русская речь в интернет-форуме: структура и стилистика текста*. Тюмень.
- Борисова, И.Н. 1999. Категория цели и аспекты текстового анализа In: *Жанры речи*. Саратов.
- Земская, Е.А. 2004. *Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения*. М.: Флинта: Наука.
- Лопатин, В.В., ред. 2006. *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*. М.: Эксмо.
- Козырьков, В.П. 2002. Образы повседневности и проблема их целостности In: *Наука и повседневность: основания науки в цифровом обществе*. Материалы четвертой межвузовской научной конференции (3-5 декабря 2001 г., г. Н. Новгород), 4: 5-30. Н. Новгород: Изд-во ННГУ.

NEUROLINGUISTIC INDICATORS OF CONSECUTIVE INTERPRETING

Iwona DRABIK, MA

Institute of Anthropocentric Linguistics and Culturology,
Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw
02-678, ul. Szturmowa 4, Warsaw
drabik.iwona@gmail.com

Abstract: In spite of a large body of research, it has proved difficult to integrate the existing data concerning interpreters' professional knowledge, their linguistic competence and their psycholinguistic predispositions into a cohesive theoretical framework. The article highlights a coherent and interrelated set of psychological abilities as well as processes constituting a relevant component of translation competence.

According to this framework, consecutive interpreting comprises three conceptually related mental processes involving a variety of psycholinguistic factors. These processes are: (1) reception of an initial message, (2) storing of a message, and (3) production of a target message. The message may be received in three ways: (1) on the basis of a text produced by the speaker, (2) via the senses, and (3) through nonverbal communication. Human perception is determined by their cultural background which comprises rules, principles, norms, beliefs – all the cognitive factors which influence their outlook, and according to which they distinguish particular elements of the world and evaluate modes of behaviour, attitudes, etc.

Due to the fact that in the analysis of a message, the interpreter has to identify the main ideas and give them their proper relevance in their interpretation, the received information is converted in the human brain into basic conceptual units forming a semantic net.

NEUROLINGWISTYCZNE PARAMETRY TŁUMACZENIA KONSEKUTYWNEGO

Abstrakt: Tłumaczenie konsekutywne to proces transferencji informacji zawartej w tekście wyjściowym – istotne jest zatem odtworzenie konceptualnej sieci wypowiedzi nadawcy, a nie skupianie się na pojedynczych słowach. Z jednej strony tłumacz odtwarza wyjściowy tekst w języku docelowym, a z drugiej – pełni funkcję edukacyjną, tzn. dostosowuje tłumaczoną informację do potrzeb i kognitywnych możliwości odbiorcy. W razie zakłóceń natury fizycznej tłumacz stosuje szereg strategii „kompensacyjnych” – mniej lub bardziej świadomie odwołuje się do schematów poznawczych dostępnych w jego mózgu, a także stosuje myślenie heurystyczne. Oprócz wiedzy odnoszącej się do elementarnych pojęć z zakresu danej dziedziny oraz wysoko rozwiniętej kompetencji językowej istotną rolę odgrywają również cechy oraz uwarunkowania psychologiczne samego tłumacza, jego uzdolnienia oraz inteligencja. Można przypuszczać, iż deficyty w sferze językowej lub w zakresie wiedzy profesjonalnej są rekompensowane posiadanymi zdolnościami psychologicznymi. Ważną rolę odgrywa wrażliwość na komunikaty niewerbalne i parawerbalne. Ustawiczne poszerzanie i utrwalanie wiedzy o świecie oraz doskonalenie kompetencji językowej pozwala odciążać pamięć operacyjną. Na osi wiedza-język zachodzi permanentne sprzężenie zwrotne, dlatego poszerzanie wiedzy językowej pociąga za sobą rozwój zdolności kognitywnych, a doskonalenie umiejętności poznawczych niejako „wymusza” stałą aktualizację języka tłumacza. W zawodzie tłumacza konsekutywnego ważne jest dokonywanie auto- i metaanalizy, gdyż w przyszłości pozwala to uniknąć wcześniej popełnianych błędów i zapobiec powstawaniu nowych.

One objective common both to translation and interpreting is to produce the same reaction in the receivers of the translated language as in those of the source language. In order to achieve this, it is of fundamental importance to understand the meaning of the original message. From a neurolinguistic perspective, understanding means creating an adequate mental representation of the intended meaning in the form of a conceptual mental network (Lukszyn 2007a, 190; Lukszyn 2007b, 51-70).

In consecutive interpreting, the interpreter speaks after the source-language speaker has finished speaking. The speech is divided into segments. The consecutive interpreter sits or stands beside the source-language speaker, listening and taking notes as the speaker progresses through their message. When the speaker pauses or finishes speaking, the interpreter then renders the entire message in the target language. Sentence-by-sentence interpreting requires less memorization and therefore a lower likelihood for omissions, yet its disadvantage is in the interpreter's not having heard the entire speech or its gist, and the overall message is sometimes harder to render both because of lack of context and because of interrupted delivery (e.g. imagine a joke told in bits and pieces, with breaks for translation in between). This method is often used in rendering speeches, recorded statements, court witness testimony, and medical as well as job interviews, but it is usually best to complete a whole idea before it is interpreted.

Full (i.e. unbroken) consecutive interpreting of entire thoughts allows for the full meaning of the source-language message to be understood before the interpreter renders it in the target language. This affords a truer, more accurate, and more accessible interpretation than does simultaneous interpretation.

The role of bilingual competence as well as professional knowledge are very often overrated in consecutive interpreting. The notion of *linguistic competence* should be defined as the interpreter's command of a target, as well as of a source language, inclusively of the knowledge pertaining to the cultures and idiosyncrasies involved, whereas the term of *professional knowledge* refers to the interpreter's acquaintance with the theme being treated, i.e. with the subject covered (e.g. law, the economy, genetics etc.). Undoubtedly, a fluent command of the source and target languages constitutes an unquestionable component of the interpreter's translation competence. However, the professional knowledge has not proved as necessary as one may expect. Translators whose level of professional knowledge is much lower than the specialists' knowledge sometimes are as effective in their translation practice as translators-specialists in a particular domain (Marchwiński 2008, 33). The above may be explained by the fact that interpreters-specialists while translating tend to "overinterpret" the message, i.e. they distort a conceptual semantic net of a given text. Thus, the interpreter/translator is not obliged to create, in their brain, knowledge which should be comparable to the expert's knowledge. The interpreter should have elementary knowledge referring to the universal basics of the specialized language.

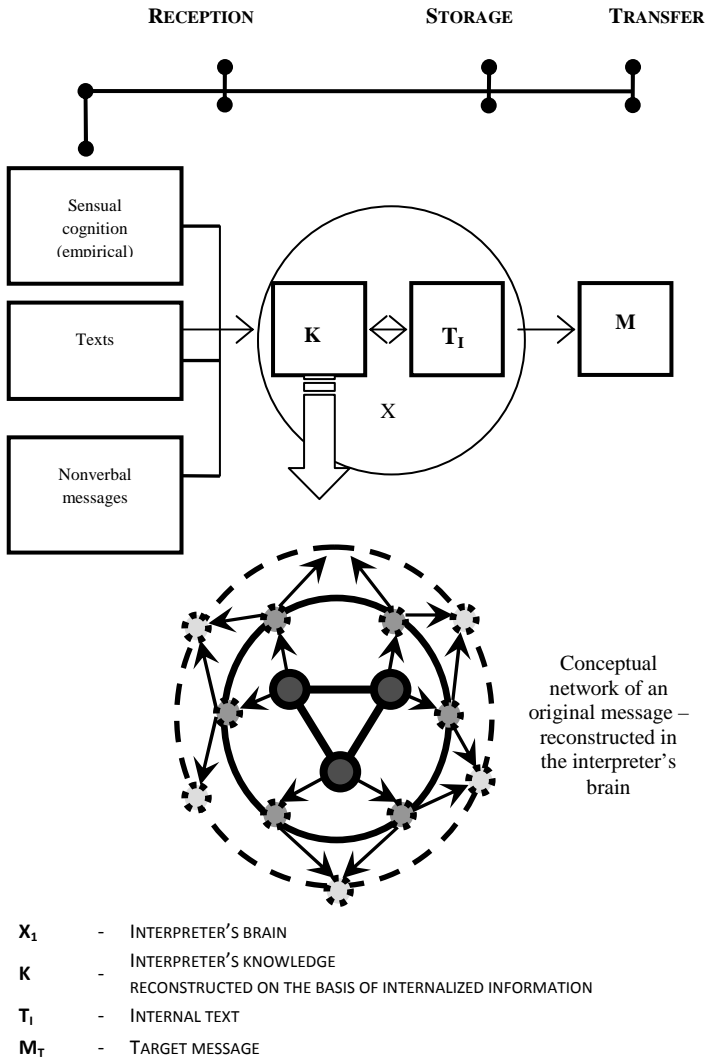
Apart from the knowledge constituted by elementary terms within a certain domain and except for the highly developed linguistic competence, also traits, features and the interpreter's psychological profile play a crucial role. The interpreter should have good hearing, fast reflexes, the ability to concentrate, a capacious memory, the ability to cope with stress (high stress resistance), etc. (Kielar 2003, 133). Other cognitive and attitudinal aspects to be mastered include, among others, good interpersonal and social communication abilities. What plays an uppermost role is psychological self-control and

stress assimilation. The interpreter should know how to cope with a variety of distracting factors provoked by the context, environment, audience etc., which in some cases may prove to be the main source of stress hindering the entire interpreting process. Furthermore, the interpreter's experience and their age are of fundamental importance, since their long-term practice largely impacts the interpreter's activity and very often allows to surmount various difficulties of whatsoever nature while interpreting. The interrelations between linguistic competence, professional knowledge and psychological predispositions allow to assume that insufficient levels of professional as well as linguistic knowledge may be compensated for by well developed psychological skills. And, on the contrary, well developed linguistic competence and professional knowledge may make up for the deficits in psycholinguistic determinants.

The appropriate level of professional knowledge enables the interpreter to differentiate relevant and redundant information and allows them to distance from literality. Word-for-word translation very often results from strictly verbal memorization of a text, without understanding and analyzing any deeper structure of the message, which consequently leads to a limited storing capacity, i.e. one may memorize only one sentence (Kielar 2003, 133).

The interpreter, as an active participant of a communicative process, plays a double role. Firstly, they replace the speaker, which fact enables them to speak in the first person singular. Secondly, the interpreter may observe the audience, among which the sender as well as receivers of the message are to be found. Due to the foregoing process, the linguistic intermediary may use not only linguistic-textual information which is to conclude from the content itself as well as from the form, but also from situational information. As the observer, the interpreter may assess participants' moods, way of reacting to the speech, etc. However, in order to evaluate messages produced by the environment, the interpreter should have a high level of emotional intelligence, which may clearly be deemed as a component of psychological skills.

According to this framework, consecutive interpreting comprises three conceptually related mental processes involving a variety of psycholinguistic factors. These processes are: (1) reception of an initial message (absorption), (2) storing of a message (creation/reconstruction), and (3) production of a target message (transfer). The message may be received in three ways: (1) on the basis of a text produced by the speaker, (2) via sensual perception, which generally takes the visual or auditory form, and (3) through nonverbal communication, which to some extent may also be categorized as sensual perception (Picture 1). It should be emphasized that human perception is determined by the cultural background (Grucza 1997, 17). A person's culture comprises rules, principles, norms, beliefs – all the cognitive factors which influence their outlook, according to which they distinguish particular elements of the world and evaluate modes of behaviour, attitudes, etc.



Picture 1. The consecutive interpreting process

The reception of an original text and the ability to reconstruct within the brain knowledge represented by a given text to some extent are determined by: (1) genetic predispositions, (2) mental “instruments”, i.e. potential, on the basis of which one may create their own language as well as their own knowledge, and by (3) logical as well as analytical thinking. The sender’s message constitutes only an external representation of their knowledge, and the interpreter’s task is to create and/or reconstruct this knowledge in the brain. The reconstruction and/or creation is of a gradual nature and may be illustrated by an open interval (0, 1). The unbounded interval represents open endpoints of

the human “cognitive continuum”, which means that, on the one hand, despite strong efforts, it is impossible to eliminate all external factors invading the human body from the outside world, which to some extent entails the necessity of automatic data processing conducted in the brain. On the other hand, following the doctrine of epistemological scepticism, even the most detailed and thorough analysis of the message will not prove that one has reached the last stage of cognitive absorption, whose final effect may be deemed as the most faithful reflection of the sender’s knowledge.

The interpreter should follow their intuition, both linguistic and interpersonal, otherwise known as their “sixth sense”. However, the role of intuition – due to the lack of empirical support – has been marginalized and shifted to the field of parapsychology.

As far as consecutive interpreting is concerned, nonverbal communication is of the essence. Firstly, words have limitations – there are many areas where nonverbal communication is more effective than the verbal one (e.g. shapes, directions, personalities may be expressed nonverbally). Nonverbal messages are powerful, since nonverbal cues primarily express inner feelings (verbal messages deal basically with the outside world). Furthermore, due to the fact that nonverbal messages cannot be controlled as easily as spoken words, nonverbal messages are likely to be more genuine. The less controllable the message is, the more difficult it is to hide the speaker’s intentions (Brown 1986, 505). Social etiquette limits what may be said, but nonverbal cues can communicate thoughts. Finally, a separate communication channel is necessary to help send complex messages: a speaker may add enormously to the complexity of verbal messages through simple nonverbal signals. In the event of psychophysical disturbances, such as noise, when the interpreter experiences difficulties in receiving the original message, these information deficits may be compensated for by data derived from nonverbal cues. This fact supports a general truth that it is easier to interpret a person who is seen rather than a person beyond the visual field of the interpreter.

A cultural intermediary has to reconstruct the meaning of the original text. Having absorbed all the stimuli coming from the outside, on the basis of the internalized information, they create and/or reconstruct in their brain knowledge, and then form “internal texts”, which are understood as mental representations of a conceptual network/a semantic net illustrating the core of the sender’s message. While the interpreter creates an internal utterance in their brain, certain anatomical structures are activated and new neural pathways are paved. Those structures of the interpreter’s brain are activated which are anatomically similar to the sender’s activated centers. In other words, similar neural/conceptual networks should be formed in the interpreter’s as well as sender’s brains. The reconstruction of semantic network representing the meaning of the information given and constitutes one of the most relevant stages of consecutive interpreting.

The structure of each specialized text is determined by basic concepts (terms), namely, first order derivative terms as well as second order derivatives terms. It is natural to assume that first order derivative terms are regular due to their direct and unambiguous relations to basic terms, whereas second order derivative terms are implied from multiple and multilevel semantic interrelations (Lukszyn 2009, 11)].

The interpreter plays a technical as well as an educational role. The technical function refers to explaining to listeners terms provided in the original text. The educational function refers to the fact that the interpreter’s task is to enlarge upon as well

as to update a particular type of knowledge. The interpreter structurizes and implements the receiver's context of knowledge as well as bears responsibility for the receiver's mental comfort in terms of the provision of new information. In the event that – due to the lack of relevant knowledge – the receiver does not comprehend the interpreted message, the interpreter has to reorganize the conceptual units network of the sender in an optimal way so that the receiver may create in his/her brain a similar net. The main task of interpreting is to harmonize/synchronize the sender's and receiver's contexts of knowledge. While the receiver absorbs the sender's conceptual network, the interpreter has to prevent the sender's context of knowledge from deformation or destruction.

Within the axis: knowledge-internal text, there is a permanent feedback loop. Broadening the linguistic competence entails the enrichment of knowledge, since by naming and placing “verbal etiquettes” on new things, one creates new notions, new meanings, new semantic units. On the other hand, the enrichment of knowledge implies a permanent verification of one's language. Therefore, the language acquisition is a never-ending, ongoing process (Grucza 2004, 29).

Due to the fact that in the analysis of a message, the interpreter has to identify the main ideas and give them their proper relevance in the interpretation, the received information is converted in the human brain into basic conceptual units forming a semantic net. Information-processing paradigms attempt to deal not only simply with the permanent structure of the memory, but with the full range of human comprehension, including the acquisition of new information and its integration into old information, which is a topic of major importance for all forms of interpretation. Understanding, here, refers to ideas, not to words, since the interpreter has to convey concepts. The methodology of interpreting consists in the conversion of a given message into basic conceptual units, into conceptual form, or into its underlying abstract form. The interpreter must decode the message into its abstract form before undertaking translation, and before proceeding to encode the message into the target language.

The interpreter is performing operations common to normal language use in the perception and comprehension of the message to be translated, but he or she must take such an operation one step further by reformulating and re-expressing the information. Translation is not possible without a decoding of the message into its underlying, conceptual form: translation is not possible without exegesis (Garretson 1981, 247). The exegesis is recorded in internal form in the interpreter's brain. The interpreter seems to extract the meaning of the material, store this information in an abstract form, and, in the course of recognition and recall, reconstruct the stored material afresh, imposing on it a new grammatical and syntactic structure.

The meaning of a sentence or text may be more effectively captured by a set of nonverbal concepts and their interrelationships rather than by the semantics of natural language. The theory of interpretation provokes the following questions: (1) whether the message received by the interpreter may be effectively analyzed by the decomposition of words into more primitive semantic features, or (2) whether meaning, as it is represented in the mind, is better described in terms of non-linguistic conceptual relations, i.e. in the language of thought (otherwise known as *mentalese*) (Fodor 1979)].

The advantages of a decompositional approach are varied. It is generally accepted that the meanings of words can be expressed in terms of a combination of simpler concepts. Such basic concepts (variously termed semantic ‘units’, ‘features’,

'components', 'primitives') are envisioned as a restricted set of units of meaning, capable of describing the meanings of words in language. Just as in phonology, where sounds are composed of bundles of features, so too can a word be reduced to a bundle of semantic features (Katz and Fodor 1963; Katz and Postal 1964). However, it is argued that decomposition is not 'psychologically real' for the language user; that is, the language user does not carry out the mental process of decomposition in perceiving and comprehending verbal messages. Lexical items which are more complex in their combination of features have not proved any more difficult to comprehend than simple lexical items (Kintsch 1974, 240). In the second place it is argued that not all semantic relations, i.e. relations between meanings, can be explained in terms of independent items of meaning and their combinations into wholes.

The proponents of propositional representations argue in favour not of lexical decomposition, but of the "meaning postulate". The "meaning postulate", as initially conceived by logicians (Carnap 1964), is intended as a set of inference rules in a logical system to cover extra-logical relations. Their particular usefulness in linguistics lies in their ability to express those entailment relations between words which are not bi-directional. However, meaning postulates do not reduce a word to primitive, atomic concepts, as in lexical decomposition; instead they provide a set of inference rules (or axioms) associated with the word, rather than defining a word in terms of individual features (Garretson 1981, 249).

A closer examination of the interpreter's notes confirm the limitations of a decompositional analysis. Interpreters in their notes make a broad use of abbreviations, but also frequently treat complex words as unitary concepts (Rozan 1959).

The production of a target message may be understood as the transfer of processed information. Then, the message expressed by the interpreter in a target language is reconstructed in the receiver's brain. Listener's reactions may serve as a feedback, on the basis of which the cultural intermediary improves his/her own translation competence. At the stage of producing a target text, the interpreter's lingual abilities are of fundamental importance. Undoubtedly, cognitive abilities are determined by linguistic abilities, which may be divided in turn into formative as well as functional abilities. Formative abilities enable each speaker-listener to produce, create, send, perceive and recognize texts of any kind, treated in this case as a set of sounds, i.e. as a set of acoustic signals. Functional abilities determine a human's capacity to use the above acoustic signals in the form of signs, which is understood as giving these acoustic signals a particular meaning. Functional abilities constitute the basis for cognitive abilities, which means that more complex mental operations depend upon formative skills. Therefore, a variety of cognitive skills, which are conditioned by functional skills, are referred to as supra-lingual/postlingual abilities (Grucza 1983, 417).

It needs mentioning that the basis for formative skills is constituted by a certain physiological potential. However, neither physiological nor cognitive capabilities constitute a component of linguistic skills. Due to the fact that physiological abilities give grounds for linguistic potential, they may be defined as prelingual/sublingual skills.

The conclusions which are to be drawn from the above analyses are as follows: (1) the interpreter's linguistic or knowledge deficits may be compensated for by psychological skills; (2) sensitivity to nonverbal communication plays a significant role in rendering interpreting services; (3) consecutive interpreting consists in conveying the

general message rather than individual words, therefore it is of fundamental importance to reconstruct a conceptual network of the received information; (4) the interpreter plays a technical as well as educational role; (5) in the event that a wide range of psychophysical disturbances are encountered, the interpreter may use a variety of compensatory strategies; (6) it is highly recommended to constantly enrich one's vocabulary as well as to expand one's professional knowledge in order to enhance one's long-term memory and to strengthen neural connections in the brain; (7) broadening the linguistic competence entails the development of cognitive capabilities, whereas the improvement of cognitive skills implies a permanent verification of a person's language.

Bibliography

- Brown, Roger. 1986. *Social Psychology*. New York: Free Press.
- Carnap, Rudolf. 1964. *Meaning and Necessity: A Study in Semantics and Modal Logic*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Fodor, Jerry. 1979. *The language of thought*. Cambridge: Harvard University Press.
- Garretson, Deborah. 1981. A psychological Approach to Consecutive Interpretation, *Meta* 26: 4-254.
- Grucza, Franciszek. 1983. *Zagadnienia metalingwistyki. Lingwistyka – jej przedmiot, lingwistyka stosowana*. Warszawa: PWN.
- Grucza, Franciszek. 1997. Języki ludzkie a wyrażenia językowe, wiedza a informacja, mózg a umysł ludzki, In *Podjęcia kognitywne w lingwistyce, translatoryce i glottodydaktyce*, ed. Franciszek Grucza and Maria Dakowska, 7-21. Warszawa: PWN.
- Grucza, Franciszek. 2004. Glottodydaktyka: nauka – praca naukowa – wiedza. *Przegląd glottodydaktyczny* 20: 5-48.
- Katz, Jerrold and Jerry Fodor. 1963. The structure of semantic theory. *Language* 39: 170-210.
- Katz, Jerrold, and Paul Postal. 1964. *An integrated theory of linguistic descriptions*. Cambridge: MIT Press.
- Kielar, Barbara. 2003. *Zarys translatoryki*. Warszawa: KJS.
- Kintsch, W., 1974. *The representation of meaning in memory*, Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lukszyn, J., 2007a. Parametry analizy tekstów specjalistycznych, In *Podstawy technolingwistyki I*, ed. Jerzy Lukszyn, 182-196. Warszawa: Wydawnictwo Euro-Edukacja.
- Lukszyn, J., 2007b. Tekst specjalistyczny pod lingwistyczną lupą. In *Języki Specjalistyczne 7. Teksty specjalistyczne jako nośniki wiedzy fachowej*, ed. Małgorzata Kornacka, 51-70. Warszawa: KJS.
- Lukszyn, J., 2009, W kwestii definicji pojęcia „tekst specjalistyczny”. *Komunikacja Specjalistyczna*: 7-13.
- Marchwiński, Adam. 2008. Wiedza fachowa a kompetencja translatorska. In *Podstawy technolingwistyki II*, ed. Jerzy Lukszyn, 25-39. Warszawa: Wydawnictwo Euro-Edukacja.
- Rozań, Jean. 1959. *La Prise de notes en interprétation consecutive*. Geveva: Georg & Cie.